

Лана Каминская
Обнимаю ветер

«Литнет»

2021

Каминская Л.

Обнимая ветер / Л. Каминская — «Литнет», 2021

Юная баронесса Эмма фон Стерлс с ужасом ждёт бала, назначенного в её честь. Традиции требуют, чтобы на этом балу она объявила имя своего суженого. И всё бы хорошо, ведь Эмма давно влюблена и эти чувства взаимны, однако заносчивые родители и слышать не хотят о том, кому отдано её сердце. Остаётся только бежать! Бежать в объятия любви... и солёного ветра. Успешный моряк и блюститель закона командор Александр Хиггинс казнит шайку пиратов, разбойничавшую на просторах Нефритового моря. Но вот незадача: пиратов поймали, а пиратское золото так и не нашли. Может, не стоит его искать? Вдруг ненароком разбудишь зверя?

© Каминская Л., 2021

© Литнет, 2021

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Казнить пирата	6
Глава 2. Тяжело быть баронессой	14
Глава 3. «Летающая рыба»	20
Глава 4. Побег	28
Глава 5. Золотозуб	35
Глава 6. Ночная гроза	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Пролог

– Этот камень мы положим слева, и он будет беречь сердце.

Дрожащая рука, вся в морщинах и пигментных пятнах, потянулась к горстке камней, лежавших в деревянной чаше. Крючковатые пальцы схватили рубин и водрузили его чуть выше и правее центра большой каменной плиты. Серая, она была с человеческий рост, и рубин насыщенного винного цвета, накрепко к ней прилипший, и правда напоминал сердце. Казалось, оно вот-вот зажёётся, и оживёт каменный голем. Но рубин молчал, как и подобает любому камню, холодному и неживому.

– Два чёрных оникса, блестящих, словно глаза-бусины, – прошамкали беззубым ртом, и ещё два камня перекочевали из чаши на плиту, только теперь на самый её верх.

Костлявые пальцы, холодные, как лёд, потёрли острый подбородок, на самом краю которого сидела жирная бородавка. Слово третий глаз, она на всё взирала свысока и одобряла продолжающийся ритуал.

Разведённый поодаль костёр старых костей не грел, зато с каждым новым драгоценным камнем разгорался сильнее. Танцующее пламя росло, а дров не прибавлялось.

– Четыре камня силы, – замогильным голосом продолжил горбатый старец и вновь нырнул пальцами в невзрачную чашу. – Яшма – камень земли. Пусть армия мертвецов покоится в гробах и ямах, засыпанная и невидимая глазу. Этой яшмой я запечатываю врата навеки – мертвецам не пройти.

Коричневого цвета камень с красными прожилками лёг с правого края плиты и намертво сросся с ней.

– Янтарь. – Горбун вертел в пальцах огромный, сверкающий камень. Впалые глаза неожиданно широко раскрылись и заблестели, а в чёрных зрачках отразились золотисто-оранжевые языки пламени, пожирающего целые деревни и города. – Камень огня. Внутри тебя застыла жизнь. Огонь вырвался из оков и слизнул всё на своём пути. Пусть пламя навеки уснёт в недрах вулкана и никогда более не пробудится.

Горячий камень нашёл своё место с левого края плиты и тут же погас.

– Вода, – прокаркал старец, – третья стихия. Сила, утащившая на морское дно сотни кораблей и потопившая тысячи моряков. Покойтесь и вы с миром и не думайте возродиться и примыкать к армии Непокорного. Я запечатываю вас навечно, и морской жемчуг мне в этом в помощь.

Горсть белого жемчуга была рассыпана по самой нижней линии плиты; мелкие бусины застыли перламутровыми слезами.

– И, наконец, воздух. Души, попавшие на небо, да не вернутся больше и не пойдут за Непокорным. Вечного сна ему, а я ставлю четвёртую печать силы.

Алмаз величиной с детский кулак лёг у самой верхней грани плиты, чуть выше чёрных ониксов. Лёг и прилип – не оторвать.

– Восемь камней, – бормотал старец, рисуя на песке посохом знак бесконечности. – Восемь печатей. Четыре печати смертельной силы, две печати глаз, одна печать сердца и... Позвольте... – Старик встрепенулся, нырнул носом в чашу, беспокойно зашарил по её дну рукой да так и застыл на месте, недоуменно озираясь вокруг. – А где же камень, что бережёт душу? Где аквамарин?

Глава 1. Казнить пирата

Каллас, королевский Гранд-порт

– Спешите на площадь, спешите на площадь! – заливались мальчишки-зазывалы, готовые за грош драть горло до осиплости. – Зрелище небывалое ранее! Палач уже подготовил виселицы!

– А кого поймали? – поинтересовался случайный прохожий и тут же пожалел.

Его облепили со всех сторон, и самые наглые стали кланяться монету.

– Да постоите же вы, босоногие! – возмутился прохожий, крепко придерживая и без попрошаек худой кошель. – Кого на площади казнить будут, спрашиваю я вас?

– Шайку пиратов во главе с капитаном, – протараторил самый длинный из босяков. – Дайте медяк, дяденька.

– Медяк? – возмутился прохожий. – Это по что тебе такие барыши?

– Так на площади сахарные кольца продают. Лизнуть бы. Медяк просят за дюжину.

– По случаю казни, что ль, праздник?

– Ага, – жадно сглотнул долговязый, не сводя глаз с кошель. – Этих пиратов командор гонял-гонял по всем морям и вот сцапал.

– Хорош командор, – одобрительно закивал головой прохожий, ныряя рукой в кошель и вытаскивая медный грош. – Как, говоришь, звать его?

– Хиггинс, дяденька, – только и бросил мальчишка, вырвал цепкими пальцами монету и дал дёру. Толпа поделщиков ещё долго свистела ему вслед.

Узнать, в какой стороне площадь, труда не составило: все дороги вели к ней, и все жители портового городка торопились в том направлении; оттуда же доносились и шум, и гам.

Квадратная, вымощенная булыжниками площадь народа вмещала много. Место находилось всем. И чинам повыше – для них специально расставили кресла на балконе Адмиралтейства, одними окнами выходившего на голубовато-зелёное море, в древности прозванного Нефритовым, другими – на площадь, в аккурат на эшафот. И простым ремесленникам, честно оттрубившим день в кузницах и прочих мастерских: от гончарных до ткацких. И торговцам, коих в подобные дни насчитывались тучи. И даже зевакам, и беспризорникам, а ещё карманным воришкам и разного рода ворожеям.

Толкаясь, наступая друг другу на ноги, ругаясь и любезничая, толпа не сводила глаз с палача. Невиданное доселе зрелище: казнь сразу двух дюжин пиратов. Да каких пиратов! Стоит только посмотреть на толстяка в рваной майке, обливавшегося потом. Его глаза заплыли, словно окорок, подвешенный к потолку в подполе у трактирщика. Решив, что толстяк – корабельный кок, толпа переключила внимание на второго висельника. Тот был высок и могуч, руками мог разорвать цепи, вот только не цепи командора – те ковались специально для таких случаев.

– Это боцман. – По толпе пронёсся возбужденный шёпот. – Глядите, какие лапищи. Ими одними он десятерых наших уложил. Просто взял и переломил шеи.

– Скоро уже ничего не сможет переломить, – пробасил усач в широкой шляпе. – Сам с переломанной шеей в яме валяться будет, пока черви не сожрут.

– А мальчонку за что? – возмутилась сердобольная женщина, кивнув в сторону паренька лет десяти, тоже ожидавшегося своего часа.

– А командор их всех без разбора, – отвечали ей. – Что рулевой, что юнга – все одно: пират.

– Где капитан? – крикнули из самого сердца толпы, и толпа взорвалась.

Одни твердили, что капитан среди висельников, что это вон тот здоровяк с седыми волосами и шрамом на пол-лица; другие настаивали, что капитан удрал, бросил команду и сидит сейчас на необитаемом острове без пищи и воды, и медленно сходит с ума; третьи возмущались и говорили, что награбил тот в своё время много, всё награбленное попрятал, а сейчас выкопал, купил титул графа и забавляется тем, что стреляет по уткам. Какие бы разговоры ни ходили, все они склонялись к одному: капитан пиратов оказался алчным и жалким трусом.

И только мальчонка-юнга, жить которому оставалось несколько больше получаса, обречённо косился в сторону помпезного здания Адмиралтейства, в особенности его подвалов, которые начинались на поверхности земли, а заканчивались глубоко в её недрах, а, может, и не заканчивались вовсе.

В тёмной камере воняло крысами, кровью и кислым вином. Любое живое существо, волей случая оказавшееся неподалёку, будь то тюремщик или таракан, уже и вспомнить не могло, когда здесь последний раз витал свежий воздух. А редкие гости, стоило им только спуститься по винтовой лестнице в подземелье, тут же стремились вырваться из цепких объятий духоты. Наверх они готовы были лететь, лишь бы вновь обрести глоток свободы. И ради такого глотка они были готовы на всё: предать, оклеветать, согласиться на любую ложь, какую только могут приписать заключённому под стражу ловкие на слог обвинители.

Могильная тишина угнетала. Прошурши в углу редкими полосками соломы тощая крыса – и этому будут рады немногочисленные пленники, сходявшие с ума от одиночества и гробового безмолвия. Грязные, вшивые, голодные и в рваных лохмотьях, они уныло доживали свой век и каждую минуту молили о смерти, которая всё медлила с приходом. Последний раз она решилась переступить порог серой обшарпанной темницы лет десять назад и забрала с собой душу столетнего старика. Кто он был таков и за какие грехи оказался в камере, никто не знал. Ставки на день его смерти были большие, но банк никто не сорвал – любители чёрного азарта слегли в могилу раньше, чем старик.

После того случая подобные ставки уже не делались: считалось дурной приметой. Но вот в последние дни желание поспорить возникло почти у всех – уж слишком очевидной была судьба новенького, брошенного в тесную клетушку совсем недавно.

Новоприбывший был не стар, но и не молод: жидкие, длинные, путанные волосы были слегка тронуты сединой, лоб – местами изрезан морщинами, глаза впали, а плечи ссутулились. Прислонившись спиной к холодной стене, он сидел, не двигаясь, и беззвучно шевелил губами. К тюремной похлебке, что давали раз в два дня, прикоснулся лишь однажды и только для того, чтобы плеснуть ею в лицо стражнику. Откуда умудрялся черпать силы на жизнь, никто не знал.

За несколько дней заточения заключённый уже успел обрасти легендами. Тюремщики, которых в подземелье насчитывалось четверо и которые всем своим видом ничуть не уступали упрятым в клетки преступникам – такие же обросшие, неряшливые, нечёсанные, с гнилыми и жёлтыми зубами, – постоянно шептались друг с другом и обмусоливали новичка.

– Всю шайку привезли в Гранд-порт, а этот умудрился как-то удрать. Второй раз его схватили на заре восьмого дня в хлеву среди свиней. Он жрал помой из общей лохани и визжал, как поросёнок, а вместо носа у него был розовый пятак, – заливался один из четырёх тюремщиков, почёсывая глубокий шрам на потной шее.

– Всё не так было, – оборвал его более пожилой напарник. – Схватили его в объётой пламенем деревне. На голове его были рога, а на лице – козлиная борода.

Пришла очередь третьего стражника вклинуться в жаркое обсуждение:

– Ой, не бреши. В борделе его нашли, в объятиях черноволосой Карлы. Там подлила снотворное в вино – его и вырубил до самого прихода командора.

– Да всё не так было, – вдумчиво промычал четвёртый и подлил себе в кружку настойку из кактуса. – Попался он в шторм. Корабль на мель сел, команда на реях болталась, а он один живой на деревянных обломках посреди моря качался. Весь продрог и еле дышал. Доставили его на фрегат командора всего в бреду и с пеной у рта. Тамошний кок клянётся, что виной всему был монстр-искуситель. Соблазнил несметными богатствами и силой опытного моряка, дал пощупать руками да сразу и отобрал. А вместе с сокровищами и удачу, и разум, и душу.

– Чего тогда он командору сдался, коль у него за душой ни гроша, ни удачи и ни мозгов? – встрял первый, явно не соглашаясь с тем, что узника представили несчастной жертвой обстоятельств и силы, неподвластной пониманию простого смертного. По шальному блеску в его глазах было понятно, что в наличие свиного рыла он поверил бы куда более охотно, чем рассказам о коварном искусителе и штормовой волне.

– Пёс его знает. – Четвёртый задумчиво пригладил усы и короткую острую бородку.

– Он командору в лицо плюнул, – со знанием дела вставил третий. – Его и повязали.

– Значит, поделом голову с плеч. Командор такого не прощает, – подвёл итог первый и поднялся с лавки.

– Пора уже? – встрепонулись остальные.

Ответом им был стук каблуков, что отдавался десятикратным эхом, нагоняя зловещий ужас на и без того запуганных и усиливая отчаяние и без того отчаявшихся.

До той самой камеры было рукой подать, но открыть скрипучую дверь темницы опытный тюремщик решил не сразу. Стараясь оставаться незамеченным, он слился с темнотой стены и вперился взглядом, полным презрения, в узника, судьбу которого скоро будет вершить командор.

Заключённый сидел на холодном полу тесной камеры и не подавал никаких признаков жизни. Длинные, спутанные, засаленные волосы упали на лицо, а он и не торопился их убирать. Худые, но жилистые, руки были скрещены и не думали разниматься. Свети воткнутый в стену факел чуть ярче, можно было бы разглядеть следы грязи, застрявшей под длинными ногтями. Рваная одежда свисала лохмотьями с костлявого тела. Ноги были обуты в такие же рваные сапоги; каблук правого вот-вот собирался отвалиться.

– Эй, ты.

Тюремщик выскользнул из темноты, загремел ключами и крепким засовом. Его грубый отклик не получил ответа – сидевший на полу узник не повёл даже бровью.

– Делаешь вид, что не слышишь, но ты всё слышишь. Ты не мёртв, каким хочешь казаться. Я вижу, как расширяются твои ноздри при каждом вдохе. Со мной ты ещё можешь играть в молчанку, но командор выбьет из тебя всю спесь, и ты запоёшь, как миленький. Про всё, что командору будет угодно знать. А потом тебя повесят.

Последние слова тюремщик злобно выплюнул, склонившись над ссутуленным пленником.

– Не в моих привычках расшаркиваться перед командорскими шестёрками, – змеёй прошипел узник, распрямляя плечи, и хрустнул позвонками. И тут же получил пинок такой силы, что повалился на ледяной пол, корчась от боли.

– Ты пожалеешь о своих словах, вшивая псина, – продолжал захлёбываться злобой тюремщик, силой поднимая пленника на ноги и толкая его в направлении выхода.

– Меня зовут Левассар, – выдохнул тот и грязным рукавом вытер кровь с разбитой губы.

На дубовом столе поверх зелёного сукна лежало много чего. Тут были и свёрнутые навигационные карты, старые и новейшие, с самыми последними изменениями и уточнёнными координатами. Были и компас, и перо, на кончике которого ещё не засохли чернила, стопка жёлтой бумаги, пепельница в виде головы чудо-рыбы, полная пепла и недокуренных сигар, а

ещё – карманные часы-медальон, с одной стороны которых красовался искусно выполненный циферблат, а с другой – портрет молодой темноволосой женщины, грустной и очень красивой.

Чуть поодаль, у окна, что выходило на площадь и расставленные в её центре виселицы, стоял высокий статный мужчина лет тридцати с небольшим. Одной рукой он опирался на трость, другой – тербил кисти на плотной шторе. Он мог бы стоять ещё долго, но выглянувшее из-за облаков полуденное солнце ослепило его и заставило отступить. Развернувшись, мужчина, слегка хромя, добрался до стола, опустился в обитое бархатом кресло, взял в руки несколько исписанных и исчерченных бумаг, но тут же отложил в сторону и тяжело вздохнул. В рассеянном взгляде читались грусть, тоска и одиночество.

Покрутив в пальцах часы-медальон, мужчина бросил полный нежности взгляд на изображение молодой женщины и защёлкнул крышку. Глаза предательски заблестели, но он сдержался.

По ту сторону двери громко загрохотали. Шум приближался – поднимались по лестнице. Схватив с поверхности стола охапку бумаг, мужчина быстро швырнул их в ящик. Туда же отправились и фамильный компас, и серебряные часы; остались лишь навигационные карты и перо с чернилами. Взбодрив себя парой хлопков ладонями по щекам, мужчина приосанился в кресле и принял суровый вид, изрядно нахмутив густые брови.

Троекратный стук костяшек пальцев в дверь – та отворилась, пропуская гвардейцев и детину-тюремщика, волочившего за собой обессиленного пленника. Стоило им переступить порог, как узника тут же толкнули вперёд и с такой силой, что тот не устоял и упал на колени. Его руки были связаны за спиной, а месяцами нечёсанные волосы распластались по плечам и лицу так, что даже глаз не было видно. Головы пленник не поднимал, по сторонам не смотрел, а лишь мычал, словно полоумный, и слегка качался из стороны в сторону.

– А ну, поприветствуй командора, грязная скотина, – свирепо рыкнул тюремщик и врезал пленнику кулаком по уху.

И каково же было его удивление, когда узник, измученный сырой и тёмной, полной червей и мух камерой, вдруг медленно поднял голову, оскалился и процедил:

– А, Хиггинс. Ну, конечно... Кто же ещё, как не гончая псина Хиггинс, может мною интересоваться?

Предчувствуя, что после таких слов кулак проедет не только по уху, но и голове, и не только кулак, пленник зажмурился и втянул голову в плечи. Но удара не последовало. Сидевший в кресле и вдумчиво смотревший перед собой командор Хиггинс еле заметным жестом остановил попытки тюремщика ещё раз проучить наглеца, а затем поднялся и вышел из-за стола.

– Оставьте нас, – бросил он охране.

– Мы будем за дверью, – промямлил детина, жалея, что не удалось лишний раз размяться.

– Ты не боишься меня, Хиггинс? – съязвил до сих пор стоявший на коленях заключённый.

– Во время нашей последней встречи ты дрожал, как рваная майка на ветру. Что если сейчас, когда мы с тобой вот так один на один, без твоих шестёрок, я тебя придушу?

– Ты этого не сделаешь, – спокойно ответил командор и, не торопясь, приблизился к пленнику. – Я знаю, как вяжет руки главный тюремщик. Такого узла ты вовек не распутаешь.

– Моряк, который всю жизнь вязал узлы на судах, будь то дырявое корыто или быстроходный бриг, да не справится с трухлявой верёвкой? – усмехнулся в ответ.

– Пират, – поправил Хиггинс. – Пират, а не моряк. Вор, убийца, предатель и просто мерзкая тварь. Вот ты кто. Но не моряк.

– Меня зовут Левассар, – облизнув сухие губы, вымолвил тот.

– Твоё имя мне известно, – равнодушно бросил Хиггинс. – Как и имена всех остальных.

Командор быстро прошёл к окну, дёрнул в сторону штору и кинул:

– Смотри, Левассар, смотри. Вон твой боцман Марио, у него до сих пор руки в крови. Вон рулевой и матросня. Все передушили сотни людей и пустили на дно десятки кораблей. Вон даже юнга Эрик, которого ты ночами заставлял перерисовывать тебе карты и таскать в каюту дешёвое пойло, и скоро он тоже будет болтаться на виселице. Сколько золота он успел унести от умирающего Джоуи, вместо того чтобы помочь ему?

Связанный пират посмотрел в окно. Виселица и стоявшие в линию бывшие члены команды были видны ему отчётливо. Казалось, протяни руку и коснёшься задорного вихра Эрика. Но руки никак было не вытащить, и Левассар, хитро прищутив глаза, лишь сухо спросил:

– Чего ты хочешь?

Хиггинс резко развернулся.

– С чего ты взял, что я что-то хочу?

– Я знаю тебя, Хиггинс, знаю не первый день. Если бы ты хотел их повесить, ты сделал бы это сразу. А ты ждал меня... Значит, тебе что-то нужно. Говори, а я подумаю.

– Где золото? – взволнованно спросил командор. – Скажи мне, где золото, и я отпущу Эрика.

Левассар сглотнул.

– Плевать я хотел на Эрика. Сколько учил его – он до сих пор не отличает юферса от талрепа. Вешай мальчишку – ему поделом.

– Скажи мне, что ты хочешь, и я дам. Мне нужно лишь то золото взамен.

– Золото мёртвых королей, – Левассар хищно оскалился. – Я так и знал, что ты его не нашёл. Иначе зачем я тебе живой сдался? Не лезь к этому золоту, Хиггинс. Ты разве не слышал древней легенды? Тронешь золото – и мёртвые короли восстанут. А в их главе и сам дьявол.

– Ты запускал свои грязные лапы в то золото сотни раз, и короли не восстали, – взъелся командор.

– Тысячи раз, – ядовито смеясь, поправил Левассар. – Просто у меня был ключ, а у тебя его нет. И никогда не будет. Как не будет и сына.

Лицо командора побагровело. Схватив пирата за жидкие волосы, он дёрнул его голову на себя и спешно прорычал:

– Что тебе известно о моем сыне, скотина?

– Мальчонка не в ладах с папашей, да? – несмотря на адскую боль, Левассар не сдавался и взгляда от командора не отводил. Напротив, позволял ярким искоркам в своём взгляде издевательской пляской раздражать Хиггинса. – Сбежал из дома и не спешит возвращаться?

– Мой сын там, где и должен быть. Дома с матерью и няньками! – продолжал распалиться командор, то краснея, то бледнея от негодования, злости и беспомощности.

– А я слышал, у тебя два сына, – продолжал издеваться Левассар.

Кровь отхлынула, и лицо командора стало блее снега.

– Что тебе известно об Эдгаре?

– А-а, – протянул пират, – так его имя Эдгар. Вот этого я не знал.

– Да ты и так ни чёрта не знаешь, – облегчённо выдохнул Хиггинс. – А я чуть было не купился. Так ты мне скажешь, где золото? Или...

– Или что?

Выпустив из рук пакли Левассара, командор прошёл к окну, раскрыл створку, выглянул на улицу и кивнул. Тревожно забили в барабаны. Забили и резко оборвали. Гробовую тишину прервал сдавленный вскрик толпы, а потом воздух стал постепенно наполняться привычными шумами ежедневной жизни центральной площади. Пиратов повесили, зрелище окончено, пора расходиться.

– Ты следующий, – бросил командор Левассару и позвал стражников.

Для торговцев день удался. До полудня товар так и шёл. Расхватывали всё: от цветастых платков до сушёных скорпионов на палочке. Один незадачливый господин даже купил горсть гвоздей, как будто больше их взять негде, кроме как на центральной площади во время выходной ярмарки.

Воришкам тоже везло. Во время казни на площади яблоку было негде упасть, и «щипач» Рони с десятков кошель точно стащил. Ещё умудрился прихватить медную брошь, обгрызенный карандаш, завернутый в бумагу нюхательный табак и щипцы для колки орехов.

Толпа расходилась медленно – народ никак не мог успокоиться и обсуждал казнь пиратской шайки. Одним – по большей части женщинам и сердобольным старикам – висельников было жаль; другие же радовались, что пиратов в море стало меньше. Хозяева же близких к площади таверн с ума посходили от счастья: прохладное пиво под болтовню и споры продавалось отлично.

И стоило только торговцам и трактирщикам начать подсчитывать прибыль, как им подкинули ещё один подарок. Четверо стражников поднялись на эшафот и сняли тела двух повешенных пиратов, расчищая место. Затем прикатили широкую бочку, а прямо над ней обновили верёвку. Широкоплечий палач вновь занял своё место и стоял, не шелохнувшись, ожидая, когда приведут долгожданную жертву.

Подвыпившая толпа долго ждать себя не заставила, волнительно загудела и поспешила в первые ряды перед висельницей, толкаясь и препираясь грубым словом. Приличия никто не соблюдал: слишком жирна была верёвка для простого разбойника, а, значит, казнить должны были рыбу покрупнее. Тем более что и двери на балконе Адмиралтейства распахнулись, и вслед за стражниками к толпе вышли командор и его помощники.

Со стороны казалось, что Александр Хиггинс постарел. Нет, конечно, все знали, что недавнее ранение в ногу не могло не оставить следов. Но хромота хромотой, но не могла же она прибавить командору на лицо лет этак пять-десять? Дело было в чём-то другом...

Его помощники, один – худой и длинный, другой – крепкий и в теле, помогли Хиггинсу занять кресло в центре, а сами устроились по бокам. Оба сидели тихо и смирно, потом второй подался чуток ближе к командору и начал что-то нашёптывать на ухо. Хиггинс внимательно слушал и с каждым новым словом всё сильнее хмурился. Потом жестом остановил помощника и кинул пару резких слов. Помощник сразу отпрянул назад и отвёл взгляд в сторону.

Народ же продолжал сбегаться на площадь. В первых рядах давка была такая сильная, что Рони только и успевал высовывать руку из одного кармана и засовывать в другой. Горожане посмекалистей нашли места дальше и повыше: видно оттуда было всё, а шансы стать жертвой Рони сводились к нулю.

Внезапно толпа зашумела. Это противно скрипнули двери, ведущие в подземелье темницы, и из коридора, уходящего глубоко вниз под землю, повеяло гнилой сыростью и трупами.

Когда поднялись решетки, и узкий тёмный коридор выплюнул на свет измождённого Левассара, в толпе заулюлюкали. Кто-то хотел прорваться через плотную стену стражников, чтобы лично дёрнуть ненавистного пирата за волосы или врезать ему звонкую пощёчину; кто-то – пнуть в живот или плюнуть прямо в перепачканное рыбьими кишками и порохом лицо. И не было никого, кто хотел бы просто помочь ему подняться, так как стоило Левассару сделать шаг, он сразу споткнулся о первый же валун и упал на колени, царапая те до крови.

На эшафот пирата уже волокли втроем. Его бывало крепкие ноги не шли, а тащились по камням и сухой земле, руки отекали, а голова свесилась вниз и болталась в такт торопливых шагов стражников. Всё его тело обмякло и напоминало тушу убитого быка, который ещё дышит, но сделать уже ничего не может.

Палач накинул верёвку. Толпа одобрительно загалдела, тыча в пирата пальцами и оскорбляя его. Сидевший на балконе Александр Хиггинс по-прежнему был невозмутим и суров. Его

помощник сделал вторую попытку что-то объяснить командору, но был снова остановлен, причём в этот раз быстрее.

Палач ждал, когда командор даст сигнал, но Хиггинс всё не решался поднять руку. А когда уже было нерешительно дёрнулся, Левассар вдруг вскинул голову. Его глаза хитро сверкнули тем самым блеском, которое закатное солнце дарит морской глади прежде, чем спрятаться за горизонт, потрескавшиеся губы разомкнулись, и он прокричал:

– Ты хотел знать, где золото, Хиггинс! – Левассар хрипел и радостно ухмылялся, видя, как замерла рука командора и как тот напрягся. – Так подавись же им!

Толпа изумлённо ахнула, увидев, как легко с рук Левассара упала верёвка, словно и не было её. Словно по ней чиркнули острым лезвием. Или словно то была и не верёвка вовсе, а прогнившая нитка, которую и младенец разорвёт без труда. В испуге отпрянув от эшафота, первые ряды рванули назад и стали давить на последние; особо перепуганные были готовы идти по головам. Паника прекратилась, когда стражники наставили на толпу острые пики, а командор Хиггинс поднялся с кресла и сделал шаг вперёд. Подскочивший к освободившемуся пирату стражник уже давно заломил тому руки за спину, но командор подал знак отпустить.

– Не стоит, Александр. – Один из помощников схватил Хиггинса за руку, когда понял, что тот собирается спуститься вниз к пленнику. – Это ловушка. Он ничего не скажет, только посмеётся.

– Посмотрим, кто из нас двоих будет смеяться дольше, – пробормотал командор и приказал пропустить его к пирату.

Идти было тяжело. Летнее солнце палило беспощадно и, казалось, плавило камни под ногами. На один такой, острый и горячий, Хиггинс ненароком наступил, и боль тысячами жалящих искорок разнеслась по и без того больной ноге. Но командор сдержался, не подал вида и только посильнее закусил нижнюю губу.

– Я слушаю тебя, пират, – надменно кинул он, когда поднялся на эшафот и встал перед Левассаром. – Скажешь правду – я пощажу тебя. Отправлю на галеры вместо того света.

– Галеры, конечно, звучат заманчиво, – Левассар продолжал издевательски усмехаться, – но с того света мне будет видно всё, а не только спины гребцов впереди. Мне будешь виден и ты, и то, как ты копаешься, словно навозная муха, в этом проклятом золоте.

Левассар продолжал без разбора сыпать ругательствами и проклятиями, а Хиггинс, не шелохнувшись, слушал его, лишь только хмурился всё сильнее и сильнее с каждым новым словом. Плотнo сомкнутые губы надёжно хранили тайну прошлых лет, и только беспокойный взгляд выдавал волнение командора. Что-то уже давно тяжёлым грузом лежало у него на сердце и не давало покоя. И это что-то сейчас самым безобразным образом вытаскивал наружу полонный, грязный, вшивый пират, жить которому осталось всего ничего, а он и не думал униматься.

– Где золото? – раздражённо спросил Хиггинс, перебивая Левассара.

– Вот твоё золото. – С этими словами Левассар нырнул пальцами в потайной кармашек чуть выше рваной манжеты и вытащил тоненькую, почти прозрачную бумажку, в несколько раз сложенную. Не успел Хиггинс потянуться и выхватить её, как Левассар тут же разорвал бумажку на несколько мелких кусочков и швырнул ими в лицо командору. – Найди, если сможешь.

Крохотные обрывки всколыхнулись по ветру и упали к ногам командора.

– Повесить! – коротко распорядился Хиггинс, развернулся и ушёл.

Он даже не стал подниматься обратно на балкон, чтобы, сидя в удобном кресле, с высоты наблюдать за казнью; не стал он и оборачиваться, когда забили в барабаны, и даже бровью не повёл, когда палач пнул бочку, и та выскользнула из-под ног Левассара, а толпа на площади опять испуганно ахнула, будто и не на казнь пришла.

Вернувшись к себе в кабинет, Александр Хиггинс со всего размаха рухнул в кресло и зарылся руками в волосы на голове. Глаза смотрели в никуда, и в них застыли крохотные хрустальные капли.

Толпа на улице разбежалась быстро: уставший народец спешил по тавернам, чтобы за кружкой-другой обмусолить многочисленные события дня.

Самыми последними разошлись стражники. Помощники командора тоже никуда не торопились, а сидели на балконе и тихо беседовали.

– Изрядно он попил у нас крови, – произнёс первый, кивая в сторону повешенного пирата. – Прямо гора с плеч, да?

Видя, что его собеседник не отвечает, переспросил:

– Да, Эррол?

– Да, – задумчиво ответил тот, кого называли Эрролом. – Вот только без Левассара золото не найти.

Глава 2. Тяжело быть баронессой

пятнадцать лет спустя

Нерсес, поместье барона фон Стерлса

– Какое безобразие! – воскликнула баронесса и хлопнула крышкой большой позолоченной шкатулки. – До бала осталось меньше трёх месяцев, а половина приглашений ещё не разослана.

Вновь открыв шкатулку, баронесса принялась перебирать скрученные и аккуратно сложенные свитки. Перевязанные золотыми лентами, они давили и приминали друг друга, хрустели и местами рвались. На эти пустяки хозяйка поместья не обращала внимания – всё, что сейчас её занимало, это имена до сих пор не оповещённых гостей.

– Дэйли, Парсонсы, Монпансье... Мы рискуем остаться без доброй половины домов. Любезный друг, – окликнула баронесса супруга, – да отвлекись ты, наконец. Дело чрезвычайной важности!

– Да, душа моя, – рассеянно ответили ей.

Барон фон Стерлс – в ночном колпаке на лысую голову и башмаках разного цвета на босу ногу – колдовал над коллекцией бабочек. Последние недели добавили к ней несколько экзотических видов, и теперь крылатые, будучи засушенными, заботливо и скрупулёзно брались тоненьким пинцетом и прикреплялись к листам толстой книги.

– Тебе твои бабочки важнее дочери и её будущего! – укоризненно кинула баронесса и поморщила нос. – Бал через три месяца, а часть гостей об этом даже не знает. Парсонсы, Монпансье... – женщина начала перечислять фамилии знатных семей заново.

– Без Монпансье никак! – воскликнул барон и пригладил тоненькой салфеткой усики изумрудной пестрокрылки. – Только он пьёт наливку из лисьей ягоды, а после хорошо проигрывает мне в карты. Распорядись отправить ему приглашение в первую очередь.

Баронесса фыркнула и недовольно скривилась.

– У Монпансье сыну пять лет. Пока будем ждать, когда тот вырастет, наша дочь состарится. Отправлю в последнюю.

– Ох уж эта твоя навязчивая идея выдать Эмму замуж! Куда торопиться?

Последняя бабочка была прикреплена к плотному листу; барон довольно потянулся и хрустнул позвонками.

– Эмме уже почти семнадцать. Пора думать о будущем, а традиции, к твоему сведению, никто не отменял.

Баронесса снова нырнула носом в шкатулку и продолжила перебирать приглашения.

– Через три месяца к нам съедутся лучшие женихи со всего света. Всё должно быть на высшем уровне! Для Эммы уже готово платье верескового цвета...

– Вереск! – Барон подпрыгнул. – Да-да, именно вересковой жужжалки ещё нет в моей коллекции. Я гонялся за ней по болотам всё прошлое лето, продырявил камзол и всё-таки упустил. Решено. Сразу после завтрака наведуюсь на пустоши. Прикажи подготовить мне сапоги.

– У меня есть дела поважнее, чем заниматься какими-то сапогами, – проворчала баронесса, закрывая шкатулку. – Марта, – обратилась хозяйка к служанке, которая показалась в дверном проёме, – Эмма уже проснулась? Завтрак вот-вот начнётся, а юная леди ещё и носа из-под одеяла не показала.

– Юная баронесса уже встала и одевается, – ответила служанка и поставила принесённое с кухни блюдо на большой круглый стол.

– Вредная девчонка. – Баронесса дала волю чувствам и рассерженно выпалила, стоило только служанке уйти: – Это всё твоя наследственность, между прочим, – укоризненно кинула она в сторону мужа, который снял, наконец, колпак и плюхнулся на мягкий стул. Вдохнув ароматный кофе, барон довольно крикнул и потянулся за сыром.

– Причём тут мои предки, если воспитанием Эммы всегда занималась ты, моя радость? – как ни в чём не бывало ответил барон, жуя румяную булочку.

– Эмма никого не слушает, ничего не хочет, опаздывает к завтраку и совсем не готовится к балу. Я попросила её перечислить все старейшие фамилии, известные в нашем мире, и что, по-твоему, она ответила?

– Что же она ответила? – По выражению лица барона не было понятно, интересно ему или нет: так увлечённо намазывал он хлеб паштетом из куропатки.

– Она назвала Хиггинсов! Подумай только! Хиггинсов!

Барон дёрнулся так сильно, что фарфоровая чашка перевернулась и кофе расплескался по столу, заливая и белоснежную скатерть, и терпко пахнущие сыры, и свежие фрукты, и горячую выпечку.

– Хиггинсы? Век бы не слышать этого имени! Надеюсь, ты не додумалась их пригласить?

– Барон подозрительно прищурил один глаз и покосился на жену.

– Как ты мог вообразить такое? – возмутилась его горделивая супруга. – Я и на пушечный выстрел не подпущу к замку никого, кто хоть отдалённо может быть с ними связан.

Барон согласно закивал.

– Год назад Хиггинс плюнул в чан с тушёной уткой. И это во время званого ужина! И только потому, что подали вместо апельсинового соуса мятный! А на твои именины он явился с рыбьим скелетом в бороде!

– А его жёнушка с вечно болезненным цветом лица и платьем в жутких розочках... Они, правда, были один-в-один, как на моей юбке, но у неё хуже.

– А его напыщенный брат! Получил звание адмирала и возгордился. А где он был до этого чина? В статусе никудышного командоришки! Пиратов по морям гонял да по виселицам распределял. И ещё он до сих пор носит синий пояс вместо положенного белого! Никакого воспитания, скажу я тебе, душа моя. И сын его весь в отца пошёл. Такой же надменный, напыщенный, а капнешь глубже – щегол неоперившийся. Слава богам, Эмму он оставил равнодушной, а ведь могло быть иначе... Пусть вся эта шайка Хиггинсов вплоть до самой их дальней пробабки держится подальше от наших земель, – закончил тираду барон фон Стерлс и вытер пот со лба салфеткой, запачканной в сливочном масле.

– У Эммы будет самый замечательный жених среди всех возможных! – Лицо баронессы расцвело в мечтательной улыбке. – Уж я постараюсь.

– Славненько, – пробормотал барон и нырнул столовой ложкой в пиалу с липовым мёдом. – Только про Монпансье не забудь.

В комнату ворвался ветер. Он был по-весеннему тёплый и пах морем. Зелёно-голубые водоросли, бежевый песок и солёная вода – всё, что принёс ветер, поспешило наполнить комнату и смешаться с тонкими ароматами фиалки и ландыша.

Поиграв золотыми кистями тяжёлых портьер, ветер пролетел по углам, всколыхнул горстку исписанных листов на небольшом, цвета тёмного ореха, письменном столе, опрокинул несколько из них на пол и поплыл к дальней стене, где, свесив ноги с высокой кровати, сидела юная девушка и читала книгу. Взъерошив самым безобразным образом её золотисто-медные волосы, ветер шмыгнул ей за шиворот, вздыбив тонкую ткань ночной рубашки.

Девушка поёжилась и посмотрела в сторону окна. Заложив страницу высушенным цветком фрезии, захлопнула книгу, откинула край толстого одеяла и встала с кровати. Несмотря на

жаркую весну, каменный пол в замке был холодный. Быстро-быстро перебирая голыми ногами, девушка подбежала к окну и плотно задёрнула шторы. А затем так же быстро юркнула обратно в кровать.

Читать уже не хотелось. Хотелось мечтать. Раскрыв книгу, юная красавица смотрела вовсе не на изящно выведенные буквы, а на крохотный белоснежный бутон. Кажется, это было так давно, а ведь прошло всего два месяца... Два месяца с поездки юной баронессы Эммы фон Стерлс, единственной дочери своих важных родителей, к её подруге, дочери графа и графини Дутэрте, чьё поместье раскинулось по ту сторону леса, и куда по странной случайности приехал и Грант Хиггинс. По случайности ли?

Грант...

Эмма откинулась на подушки и мечтательно уставилась в потолок. Она помнила каждую чёрточку прекрасного лица юноши. Его зелёные глаза, светлые волосы и нежные руки... Когда он брал её руку в свои и читал стихи тихим баритоном, Эмма была готова дать волю чувствам, броситься ему на шею и расцеловать. И он был не против.

Однажды они все-таки поцеловались, только вот произошло это опять случайно. Прогуливаясь по парку, Грант споткнулся и, неловко повалившись в сторону своей рыжеволосой спутницы, припечатался своими губами к её. В тот момент Эмме вдруг стало глубоко плевать, скелет какой рыбы – окуня или карася – застрял в бороде его дяди, и какой пояс полагается по чину носить его отцу. Ей хотелось одного: чтобы Грант Хиггинс был на балу в честь её семнадцатилетия, и именно его она бы назвала своим суженым.

Но реальность была жестока: Гранта Хиггинса никогда не будет на балу, и танцевать Эмма будет с другим, не дай боги, ещё с каким-нибудь рыжим, лысым или – хуже – бородатым и потным. И голос у того везунчика будет не бархатный, а тоненький и писклявый или хриплый и грубый. От таких мыслей по телу Эммы побежали мурашки.

В этот момент в дверь постучали.

– Входи, Марта! – крикнула девушка, вновь поднимаясь с постели.

Дверь отворилась почти неслышно, и в комнату проскользнула невысокого роста служанка, круглая, как колобок, и добродушная на вид. Увидев юную баронессу на кровати в одной рубашке и с босыми ногами, она растерянно развела руками и запричитала:

– Да что же это такое делается?! Вы обещали мне, чай, час назад быть готовой к завтраку. Барон и баронесса вас давно ожидают, изволили выпить уже весь кофе и очень недовольны.

– Марта, – девушка звонко расхохоталась и сладко потянулась, – эта книга, что ты дала мне на ночь, не хочет меня отпускать. Как бы мне хотелось оказаться на месте той принцессы и обрести такого же принца, что будет любить меня и будет готов ради меня на всё. Даже прыгнуть в пасть ко льву или сразиться с монстром, или найти сокровище, а потом всё золото бросить к моим ногам...

– Вы замечтались, – проворчала служанка, приблизившись к Эмме с платьем цвета безмятежного голубого неба и гребёнкой в руках.

– Как матушка? До сих пор возмущена, что приглашения могут не успеть ко всем женишкам вовремя? Как же я так проглядела и забыла запереть шкатулку?! Глядишь, матушка до самого бала так и не узнала бы, что приглашения не отправлены.

– Ваш поступок нельзя назвать подобающим для юной леди, – корила Эмму Марта. – Баронесса была вне себя, когда тайна раскрылась.

– Опять досталось отцу? – оправляя кружева на рукавах, спросила Эмма.

– Именно. Баронесса очень ругалась. Плюнула на все фамильные портреты, что висят в Хрустальном зале. Не раз повторяла, что характером вы пошли в отца. Наклоните-ка голову. Волосы из-под ободка выбились – зачесать надо.

Когда с непослушными прядями было закончено, Эмма покружилась, любуясь на себя в зеркало. Любая юная девушка, благородная или нет, позавидовала бы сейчас её чистой красоте и лёгкости. Воздушная, Эмма была нежна, как первый весенний цветок, и этим прекрасна.

– Матушка вечно бурчит и недовольна мной. Чашку разобью – в отца пошла; оборку на платье порву – и у отца камзол в дырах; верхом на лошади без дамского седла – так кузина отца так же на выездах на пикник позорилась. А почему я должна следовать правилам, если моя мать тоже себе в угоду те правила нарушает?

Марта затянула завязки на платье Эммы и недоуменно уставила на неё. Служанка была глупа и недалёка и никогда этого не скрывала. Её добродушное широкое лицо выражало лишь непонимание и наивное любопытство, без тени намёка на хитрость.

– По традиции в день моего семнадцатилетия мне полагается танцевать с каждым приглашённым на бал холостым мужчиной, – говорила тем временем Эмма. – И приглашения должны быть разосланы всем, кто принадлежит к дворянской семье, кому исполнилось хотя бы восемнадцать и не стукнуло ещё пятидесяти, и кто ни разу не был женат и не связан узами помолвки на момент бала. И ни одна древняя книга, в которой записаны те правила и обычаи, не говорит, что мы должны отказать в приёме какому-либо претенденту на мою руку только из-за того, что его пьяному дяде не понравился соус к утке! Традиции не запрещают приглашать Хиггинсов! Гранта Хиггинса... – поправила Эмма саму себя. – Но матушка делает вид, будто этого не знает, потому что ей так удобно, а меня же по любой мелочи одёргивает.

Марта вдруг охнула и прикрыла рот рукой, будто что-то вспомнила.

– Что случилось? – Эмма красиво нахмурила брови. – Родители ещё что-то выдали о Хиггинсах?

– Грант... – только и пробормотала служанка. – Я забыла передать вам письмо от Гранта!

Нырнув рукой в карман передника, в котором находился ещё карман, только уже потайной, Марта принялась долго с ним возиться. Ещё с раннего утра пальцы отекали и сейчас никак не хотели пролезать в узкую щель и вытаскивать тоненький листочек, сложенный втрое, который нетерпеливо ждала молодая баронесса.

– Разреши, я сама.

Не дождавшись позволения, Эмма сунула руку в кармашек и вытянула смятое письмо. Едва раскрыв его и пробежав глазами по первым буквам, она вначале засветилась счастьем, потом резко нахмурилась, потом и вовсе разозлилась, а после сильно удивилась и задумалась.

– Что он пишет, госпожа? – полюбопытствовала Марта, заглянув хозяйке через плечо. Но сколько ни силилась, разобрать не смогла ни слова: добродушная служанка не умела читать.

– В начале всё, как обычно, – нарочито растягивая слова, словно что-то обдумывая, отвечала Эмма. – Но потом... Он пишет про отца. О том, что король очень недоволен им из-за какого-то старого случая. Какое-то упущенное золото или не пойманные разбойники – я так и не поняла сути. Но и это неважно.

– А что важно?

– Оказывается, три недели назад мой отец и Хиггинсы виделись на обеде у графа Дутэрте. Слово за слово – между ними вспыхнула очередная ссора. Вот, слушай.

Эмма откинула за спину прядь волос, распрямила лист бумаги и начала негромко читать:

– *«Душа моя, мой весенний цветок, моя милая любимая Эмма! Я никак не могу забыть дня нашей последней встречи, твои глаза, переполненные лёгкой грусти, твои шёлковые губы, подобные гладким лепесткам ароматной розы, которых хочется касаться снова и снова...»* Я дальше пропущу.

Эмма решила, что служанке не стоит знать всех подробностей их с Грантом свидания и, поискав взглядом нужную строчку, юная баронесса продолжила:

– *«Я много раз беседовал с отцом о том, какая пропасть возникла между нашими семьями из-за нелепых случаев в прошлом. Я признавался, как люблю тебя, и отец проникся.*

От счастливого момента сватовства меня отделяло лишь несколько дней, если бы не граф Дутэрте.

Как ты знаешь, граф, известный своей любовью к скачкам, породистым лошадям и собакам, решил похвастать своим недавним приобретением и созвал чуть ли не всю знать Калласа. Среди увеселений, конечно же, пир горой, карты всю ночь напролёт, охота на лис и ставки. Мой отец и дядя тоже были в списке приглашённых. Дальше, моя дорогая, тебе будет нетрудно догадаться, что произошло.

Ставки делались на разных скакунов; мой известный скандалами дядя и твой отец поставили на одну и ту же породистую серую. И выиграли оба. Когда разделили выигрыш, мой дядя во всеуслышание объявил, что его обманули. Что вместо десятка золотых он получил десять медяков, покрытых золотой пылью. И что настоящее золото забрал барон фон Стерлс, кошель которого сильно потяжелел после дележа выигрыша. Слово за слово – пошли стычки. Отец бросился их разнимать, но получил по больной ноге подковой весом около ста фунтов, которую преподнесли графу Дутэрте в качестве подарка. Естественно, на следующий день все мои мольбы о том, что нашим семьям пора помириться, пошли прахом. Теперь отец ничего не хочет слышать о помолвке. Любые разговоры с ним бесполезны.

Я не хочу и не могу потерять тебя, моё солнце. Я даже мысли не могу допустить, что спустя несколько месяцев ты будешь танцевать с другим и будешь вынуждена отдать ему руку и сердце. Надеюсь, ты чувствуешь то же самое. Если да, если ты по-прежнему хочешь быть со мной, то нам обоим нужно решиться на крайний шаг.

Неподалёку от нашего дома в Белой бухте живет священник. Венчает всех, не спрашивая, кто даст ему десять монет золотом. Я договорился с ним, и он поженил нас третьего лунного дня. Когда ты официально станешь моей, нашим родителям ничего не останется как смириться с нашей любовью и простить нас.

Эмма, дорогая, я готов на любое сумасбродство, лишь бы ты была рядом. Не сомневайся в моём предложении, просто делай так, как я напишу в своём следующем послании. Мой план прост, и, следуя ему, ты быстро окажешься в Белой бухте. Но без помощников нам не обойтись. Уговори Марту ещё раз основательно послужить тебе и помочь бежать. Не могу дождаться того момента, когда обниму тебя и назову своей женой. Навеки твой. Грант».

– Бежать? – ахнула Марта, до сих пор внимательно слушавшая, и прикрыла рукой рот, чтобы ненароком не выплеснуть слов, которые её благородной госпоже знать не полагается.

– Бежать! – Глаза Эммы блеснули от возбуждения. – И стать Эммой фон Стерлс Хиггинс вопреки воле наших родителей. Бежать к своему возлюбленному. К тому, кто приходит ко мне во снах, кого я вижу на страницах книг, и кто так мил моему сердцу.

– Что бы вы там с молодым Хиггинсом ни удумали, я вам не помощник, – покачала головой Марта. – Зря он на меня в той бумажке кивал. Если ваша матушка всё узнает, то велит меня выпороть. А у меня очень тонкая кожа... там, – смущённо добавила она.

– Если не сейчас, то после бала будет уже поздно.

Эмма скомкала письмо, сунула его в потайной кармашек, умело спрятавшийся среди воздушных кружев, и подошла к окну. За окном, в зеленовато-голубой дымке, далеко на горизонте, на волнах качался корабль с белыми парусами и семиконечной звездой на флаге. Один из патрульных кораблей Серых скал. Следит за порядком в Нерсесе, западной провинции королевства Каллас. От вида корабля веяло спокойствием, но кислый запах цветущих водорослей был так силен, что Эмма поспешила захлопнуть оконные створки и сердито сказала:

– Если я не сбегу к Гранту, то назло тебе выберу на балу какого-нибудь кривого одноглазого горбуна и буду улыбаться ему весь вечер. Пусть моё счастье будет на твоей совести.

Марта обречённо всплеснула руками: юную госпожу она любила слишком сильно, чтобы позволить ей испортить себе жизнь и обвенчаться с нелюбимым мужчиной, не важно кривым ли горбуном или голубоглазым красавцем. За Эмму Марта была готова стоять горой. Но если

раньше все поручения сводились лишь к тайной передаче писем от Гранта к Эмме и обратно, то сейчас наступил именно тот момент, когда и проверяется истинная преданность. Марте ничего не оставалось как решиться на безрассудную крайность или... рассказать всё матери Эммы и потерять доверие юной госпожи навсегда. И Марта решилась.

– Нет, – покачала служанка головой. – Я не могу позволить вам совершить такую глупость. Нет, нет и нет. И не уговаривайте.

И тут же отвернулась, чтобы не видеть, как на глаза Эммы навернулись слезы отчаяния.

Глава 3. «Летающая рыба»

Бланес, Белая бухта

Уже который месяц король был недоволен.

Причин насчитывалось много, и Александр не спорил, и тем более не пытался выторговать для себя снисхождение. Он знал, его величество прав. Казалось, триумф был совсем недавно: Александр до сих пор помнил, как звенели кубки в приёмном зале короля и как все хлопали стоя, когда король наградил командора белой лентой адмирала. С тех пор прошло уже пятнадцать лет...

...Пятнадцать лет сомнений и бессонных ночей. Сколько раз за эти годы Александр Хиггинс просыпался в холодном поту от того, что ему чудилось, будто по ту сторону окна стоит мёртвый Левассар и тычет в него заряженным пистолетом? Сколько случайных прохожих Александр принимал за повешенного пирата, хватал, волочил в темницу и долго допрашивал? А когда видение отходило, резко замолкал и, смутившись, удалялся к себе в кабинет, где подолгу сидел наедине с бутылкой креплёного красного. Извинений не приносил, так как знал, что бедняга только рад будет, что произошла ошибка, и никогда в жизни не посмеет и вякнуть против адмирала.

За ночными кошмарами и случайными видениями последовали ворчания короля. Тот быстро забыл, что его верный слуга очистил море от пиратов, и вспомнил о золоте, которое так и не было доставлено в королевскую казну. Ничто так не греет душу, как драгоценная монета, а король был безмерно жаден и столь же безмерно легкомыслен, а потому тратил деньги, не считая их, на женщин, балы и породистых лошадей. В какой-то момент запасы золота стали таять быстрее, чем пополняться, и король вспомнил о вожаке сундука.

Поначалу он дал Хиггинсу год. Год на то, чтобы тот смог отыскать затерянное сокровище. Но год прошёл, а адмирал вернулся к королю с пустыми руками. После был потрачен ещё год и ещё один, но тщетно. В конце концов, король рассвирепел. Александру было припомнено всё: от потопленного королевского фрегата, который пришлось пустить на дно, чтобы не дать пройти бригу Левассара, до высохшего фонтана, который в целях экономии воды Александр велел отключить в саду своего дома, ведь год был засушливый. Этим и вызвал недовольство короля, который в те самые дни проезжал мимо дома Хиггинса и решил остановиться на отдых. Его величество требовал роскоши во всём, и фонтан не был исключением.

Былые заслуги и серьёзные ранения во имя короны и процветания Калласа с годами перестали были значимы. Король так жаждал пополнить казну, что раздражался каждой мелочи, о которой ему доносил адмирал, каждой встрече с ним, а в последствии и каждому упоминанию имени Александра Хиггинса...

Нога разболелась и противно заныла уже в седьмой раз за день. Компрессы из травяной настойки не помогали, хотя лекарь клялся, что микстура проверенная и боль должна утихнуть за ночь. Но какая уже пошла по счёту ночь с того дня, как лекарь выписал рецепт? Пятая? Шестая? Нога как болела, так и продолжает. И чёрт бы побрал тот злополучный вечер, когда Александр бросился разнимать двух скандалистов: своего брата и барона из Нерсеса! Как будто Александру больше всех надо!

Хиггинс тяжело вздохнул, перетянул мокрую повязку чуть выше колена, опустил штанину, осторожно, чтобы повязка не сползла, натянул сапог и с трудом поднялся с широкой банкетки. Сильно хромая и проклиная род фон Стерлсов вплоть до самого их прапрадеда, адми-

рал доковылял до круглого стола, налил вина из кувшина в посеребрённый бокал и залпом выпил. И только потом вспомнил, что лекарь строго-настрого запретил любые вина, портвейны и наливки. Вспомнил, махнул рукой и налил ещё. Бросил снятый камзол на спинку стула, расстегнул воротник и ослабил туго повязанный шейный платок.

В большой просторной комнате было жарко. Обеденное солнце припекало, его лучи прорывались сквозь плотные портьеры и нагревали окрашенные в холодный фисташковый цвет стены. Хиггинс вытер платком пот со лба и склонился над столом.

Там, недалёко от кувшина с вином и старых нефритовых чёток, лежал измятый, истёртый листок бумаги. И не листок вовсе, а горстка соединённых воедино кусочков, промазанных с обратной стороны вязкой клейкой смесью. Вместе, они составляли наспех намалёванную карту. Чертили то ли углём, то ли травяным стеблем мокроуса, который, как известно, после высыхания даёт насыщенный яркий кирпично-чёрный цвет.

Рисунок был незамысловат: вон там гора слева, один пик повыше, другой – пониже; справа – кучка островов. Но за пятнадцать лет фрегат Александра прошёл уже по водам всех морей: Хмурого, Штормового, Нефритового, Ласкового и даже Мёртвого, заглянул в каждую бухту, обогнул каждый мыс и два раза даже чуть было не сел на мель, но такой горы, даже отдаленно похожей, адмирал нигде не нашёл. И тем более кучки островов рядом. Острова, конечно, были. Попадались постоянно то тут, то там. И побольше, и поменьше, но никак не сразу семь в линию.

– Невероятный бред, – пробормотал Хиггинс, снова протёр голову платком, налил вина в бокал и жадно выпил.

– К вам капитан Акерс, – пропела румяная от загара служанка и присела в вежливом поклоне.

– Зови, – рассеянно обронил адмирал и оторвался от карты.

За пятнадцать лет Хиггинс изрядно изменился: виски были сильно тронуты сединой, лоб изрезан морщинами, под глазами то и дело возникали круги от недосыпания и усталости. Всё чаще адмирал стал замечать, как сердце бьётся тяжелее, а дыхание то частит, то замирает. Всё чаще стал ловить себя на мысли, что был бы больше рад мягкой подушке, чем твёрдым доскам корабельной палубы.

Морской воздух более не радовал. Напротив, от него тошнило. Александр всё реже задерживался у штурвала, хотя по молодости бывало любил просто так часами смотреть на горизонт и болтать с матросами, наслаждаясь солёными брызгами и шумом волны за бортом. С каждым новым днём Хиггинс чувствовал, как силы покидают его, будто нечто неведомое высасывает жизнь каплю за каплей, медленно и мучительно.

Один раз он даже перепутал координаты – вещь, непостижимая для ума простых моряков и солдат, привыкших смотреть на адмирала, как на божество. Хвала богам, свидетелем того конфуза был только его верный помощник, его правая рука, ранее простой матрос, потом офицер, а теперь и капитан, под командованием которого в море могло одновременно выйти пять роскошных королевских судов. Его звали Эррол Акерс. Для своих тридцати пяти лет он выглядел очень свежо, понимал адмирала с полуслова, носил пошитый по фигуре и по последней моде дорогой камзол с золотыми пуговицами, был в меру терпелив и хорошо воспитан.

– Всё возитесь с ней. – Подошедший к Александру капитан Акерс кивнул в сторону самодельной карты, пододвинул к себе чистый пустой бокал, взял кувшин и налил немного вина. Подумал с пару секунд и столько же добавил в бокал Хиггинса. – Сколько лет прошло, Александр, а мы так ничего и не нашли.

Эррол пригубил вино, расстегнул пуговицы камзола и с бокалом в руке прошёл через половину комнаты к креслу у окна. В кресло он не сел, а вальяжно в нём развалился, вытянул ноги, обутые в сапоги из дорогой кожи горного маррела, что водится только в горах Нерсеса.

Новёхонькие, те сапоги были начищены до такого блеска, что в них можно было смотреться, словно в зеркало.

– Да, – вздохнул Хиггинс и потянулся за налитым ему вином.

Какое оно было по счёту? Третье? Лекарь, конечно же, всё узнает, но и чёрт с ним. Александр чувствовал, что жить ему осталось не так много. И количество оставшихся лет, а, возможно, и дней жизни зависело совсем не от вина.

– Знаешь, меня не раз посещали мысли, что карта – элементарное надувательство. Левассар хотел посмеяться надо мной, и это у него получилось. Я купился на обманку, снаряжал корабли, искал эти острова, и что? Нашёл?

Хиггинс сжал бокал в руке с такой силой, что будь тот из тонкого стекла, тотчас раскололся бы на мелкие кусочки, а тёмно-бордовое вино полилось бы по пальцам адмирала тоненькими липкими струйками.

– Я говорил, не надо было его вешать. Пара-тройка хороших пыток – раскололся бы.

– Ты не знаешь Левассара, Эррол! – осознавая свою беспомощность, вспыхнул адмирал. – А я знаю. И всегда знал. Это хитрый лис, которого ничто не берёт. Сколько раз его протягивали под килем? Хоть раз бы захлебнулся! Сколько раз его травили и душили? Выживал! Я и сейчас-то до сих пор сомневаюсь, мёртв ли он.

– Я знаю, – расхохотался Акерс и закинул ногу на ногу. – Думаете, я не видел, как вы каждый месяц навещаетесь к той яме, где он уж давно сгнил? Всё проверяете, на месте ли кости.

Александр вздрогнул.

– Ты это знаешь? Впрочем, у меня нет от тебя тайн.

– Знаете что, Хиггинс, – прервал размышления адмирала Эррол и поднялся с кресла. – Я сюда пришёл совсем не за тем, чтобы вспоминать сумасшедшего идиота. Я пришёл вытащить вас на свежий воздух. Хватит сидеть в четырёх стенах, словно крыса портовая. Знаю... знаю... – Эррол поспешил опередить наставника, – король недоволен, ему нужно золото. Ну а что он сделает, если вы его не найдёте? Отправит вас в отставку? Сомневаюсь. Отправить, конечно, может, но достойной замены вам не найдёт. Так что не стоит травить себя духотой и мучиться. Или есть что-то ещё? – Акерс озабоченно посмотрел на Хиггинса.

– Он мне снится, Эррол, – прошептал Александр. – Левассар до сих пор снится мне. Он тычет в меня этой картой и хохочет. Я должен найти золото. Хотя бы для того, чтобы покончить с кошмаром и самому начать над ним смеяться.

– Что-то ещё? – вкрадчиво переспросил Акерс, вглядываясь в лицо адмирала.

Хиггинс недовольно засопел, но потом всё-таки выдал:

– Это уже совсем мелочи, но они добавляют мне раздражения. Мой сын не спит, не ест, всё бредит одной юной особой – Эммой фон Стерлс. Я уже всё испробовал: и знакомил его с другими не менее симпатичными леди, и отправлял учиться в столицу, даже купил ему лошадь, чтобы он хоть чем-то увлёкся. Подумывал даже отправить его в бордель, чтобы развлекся там и понял, что женщин на свете много, но жена остановила. А это семейство фон Стерлсов мне, мягко говоря, неприятно, – адмирал скривился.

– Отправьте его в море, Александр, – сочувственно бросил Акерс. – Пусть попробует морскую соль на вкус, узнает, что такое качка, посмотрит новые земли и аборигенов на островах. Глядишь – забудет девчонку.

– Море... – Хиггинс запнулся. – Меньше всего я хотел, чтобы Грант связал свою жизнь с морем. Ты видишь, что море делает со мной? Жалкий мёртвый пиратишка не даёт мне жить, а морской воздух отравляет меня. Не хочу Гранту повторения моей судьбы.

– И всё же отправьте его в море, – мягко настаивал Эррол, подавая адмиралу камзол. – И едем со мной. Вам нужно проветриться.

Долго тянуть не пришлось – копыта лошадей зацокали, а колеса элегантного, с открытым верхом, экипажа застучали по неровной мостовой уже спустя несколько минут. Служанка, зашедшая в пустую залу, чтобы навести порядок, заглянула в полупустой кувшин из-под вина и укоризненно покачала головой.

От Белой бухты до центра Бланеса доехали быстро. По просёлочной дороге лошади неслись во всю прыть; молодой кучер даже привстал на козлах и, щёлкая кнутом, подгонял и без того резвых скакунов. Ветер свистел в ушах, повозку водило из стороны в сторону, но капитан Акерс, которому принадлежал экипаж, и не думал скомандовать идти потише. Развалившись на сидении, он наслаждался быстрой ездой, как и тёплым весенним ветром, бьющим в лицо. Сидевшего напротив Александра под конец укачало, поэтому в городе уже пошли медленнее. На радость адмиралу и простому люду.

Полюбоваться повозкой капитана, а заодно поглазеть на того самого Хиггинса, которого боится сам морской дьявол, и который в своё время отправил на тот свет целую шайку отпетых пиратов, сбежался чуть ли не весь город. И хотя поместье самого Хиггинса находилось от Бланеса неподалёку, из Белой бухты адмирал выбирался крайне редко и гостем в городе был несчастным. Если и ездил куда, то теми местами были или порт, или лавки картографов.

Лошади стучали копытами по городской мостовой чинно и важно, давая возможность всем зевакам рассмотреть себя, а заодно и редкостной красоты экипаж. Обитый тяжёлым темно-зелёным пан-бархатом, он был украшен вензелями и инициалами капитана. Редкая женщина в городе не мечтала прокатиться рядом со щёголем Акерсом, но последний уже давно слыл заядлым и упёртым холостяком, и все старания дам – как юных, так и не очень – были обречены на провал.

Любопытных собралось столько, что кучеру пришлось ещё сильнее замедлить ход, чтобы ненароком не задавить зазевавшегося прохожего. Этим сразу воспользовались мальчишки; двое самых ушлых запрыгнули на запятки экипажа и сидели довольные, болтая ногами и показывая приятелям языки.

После пятого поворота повозка остановилась, мальчишки тут же спрыгнули и сиганули за угол, не успев кучер даже свистнуть. Эррол спустился и помог Хиггинсу выйти.

– Пройдёмся немного, – сказал капитан, подавая Александру трость. – Тут недалеко.

Идти и вправду было близко. Сначала завернули за дом, миновали грязный двор, где хозяйки в большом корыте стирали бельё, потом нырнули на узенькую улочку, на которой с трудом могли разойтись две кошки, и вышли к таверне с аляповатого цвета вывеской и замысловатым названием: «Летающая рыба».

Александра с непривычки повело. Он уже давно не ходил на большие расстояния. По дому порой и вовсе не передвигался, предпочитая дни и ночи напролёт сидеть, закрывшись в кабинете. Но Эррол всегда был начеку. При необходимости поддерживал наставника за руку и не спускал с него внимательного взгляда до тех пор, пока они оба не зашли в таверну и не заняли самый дальний столик, отгороженный от общего зала широкой ширмой из крашеного в ярко-розовый цвет тростника.

– Отобедать мы могли и у меня, – пробормотал Александр, опускаясь на мягкие подушки, раскиданные поверх жёсткой лавки. Тяжело дыша, он расстегнул нижние пуговицы стесняющего движения камзола и осмотрелся.

В полумраке дешёвого заведения витал запах пива и табака. Посетителей было немного, и все друг друга знали. И, что удивительно, все знали Эррола. Стоило тому появиться в дверях, как гул прекратился и все приветственно кивнули. Те, у кого были шляпы на головах, вдобавок и шляпы сняли. Из двери, что вела на кухню, выплыла немолодая, но симпатичная, женщина с ярко крашеными губами и тёмными, густыми, выющимися волосами. Одета она была по-цыгански пёстро и пиво подавала по-заправски шустро.

– Катарина. – Эррол галантно поцеловал руку трактирщицы и подарил ей серебряную монету. – Нам самого лучшего ягнёнка... Не того, что ты подавала в субботнему ужину – он был жёсткий. Сколько месяцев валялся у тебя в погребе?

Трактирщица кокетливо улыбнулась, демонстрируя неровные зубы. Эррол продолжал:

– Сделай к ягнёнку соус из мёда с каштанами и принеси пива. Холодного, тёмного, самого лучшего. И всё быстро. Быстро, Катарина.

И, шлёпнув трактирщицу по бёдрам, скрытым не одной и не двумя, а сразу тремя юбками, Эррол развернулся к Хиггину.

– Всегда задавался вопросом, кем занято твоё сердце. – Александр наблюдал за помощником, недоумевая. – Никак не думал, что всё зашло так далеко.

Эррол поморщился.

– Неужели вы столь низкого обо мне мнения? Я – убеждённый холостяк и уже вряд ли подыщу себе хозяйку. Тем более не пушу к себе в дом Катарину. Она хоть и не страшна, и телом вышла, но дурь из её головы и пушечным выстрелом не выбьешь. Воспитание – его не изменить.

– Именно, – согласился Хиггинс, перед глазами которого тут же всплыла недавняя потасовка его брата с бароном фон Стерлсом, и вспомнился разговор с сыном о манерах и приличиях.

– А теперь расскажите мне всё, Александр, – Эррол говорил мягко, но с напором. Он хорошо знал, в какой момент и что нужно адмиралу, и умел вовремя замолчать, чтобы в другой раз выйти уже на настоящий откровенный разговор.

Хиггинс внимательно посмотрел на помощника. Уже много лет он доверял человеку, что сейчас сидел с ним за одним столом. У Эррола было всё: красивые, хоть и не аристократические, черты лица; коротко подстриженные, тёмные, почти чёрные волосы и такие же тёмные глаза; ухоженные руки, что умело носили на указательном пальце перстень с крупным сапфиром; прямая осанка и отличная выправка военного.

Акерс не принадлежал ни к одному из известных старинных родов Калласа. Имя сделал себе сам. И своими успехами легко переплюнул многих отпрысков разных фамилий, от маркизов до баронов, не говоря уже о сыне самого адмирала. Возможно, именно по этой причине Александр видел вначале в юном, а затем уже и в возмужавшем Акерсе частичку самого себя. Разведи кто-нибудь адмирала на откровенный разговор, тот наверняка признался бы, что видел в Эрроле второго сына.

Катарина грохнула о деревянный стол миской с оливками, рядом поставила две высокие кружки холодного пива с таким толстым слоем пены, что стоило Александру сделать глоток, как тут же пришлось вытирать подбородок и губы. Эррол отхлебнул из своей кружки сразу много и громко – он больше ничего не говорил, а ждал, когда Хиггинс начнёт первым.

– Король дал мне ещё один шанс. Последний. – Хиггинс тяжело вздохнул.

– Его величество так и сказал? – Эррол прищурился и попытался во взгляде адмирала прочесть ответ на свой вопрос.

Александр покачал головой.

– Я и без слов это вижу. Он отводит взгляд, когда говорит. Депеши от него приходят через второсортных гонцов, а сам король бывал в Белой бухте последний раз два года назад. Своему шуту он благоволит охотнее и уделяет времени больше, чем к адмиралу.

– И что вы собираетесь делать? – Эррол ловил каждое слово наставника, пытаясь угадать направление мысли.

Хиггинс развёл руками.

– Боюсь, у меня нет выбора. Мы снарядим корабль и прочешем моря Калласа ещё раз. Залезем в каждую пещеру, спустимся во все ямы, но найдём это чёртово золото.

– Я тут как-то размышлял, а вдруг ничего нет, Александр? Обманка. Очередной розыгрыш Левассара, не более.

Хиггинс замотал головой.

– Сокровище существует, Эррол. И его много. Монеты, золотые и серебряные, драгоценные камни, нити жемчуга, перстни с сапфирами и изумрудами... Баснословное богатство!

– А кто кроме Левассара мог знать о сокровищах?

– Вся его команда – шестьдесят человек. Помнишь, мы всех поймали и допросили; никто даже о крохотной соринке не заикнулся.

– Левассар всех держал в страхе, – задумчиво вставил Эррол.

Александр изумлённо вскинул брови.

– Что может быть страшнее осознания приближения собственной смерти? Я каждому давал шанс на жизнь и взамен просил всего-то одну наводку на сокровище. Но все молчали, словно морской воды в рот набрали. Все шестьдесят человек.

– Левассара они боялись больше, чем смерти, – мудро заметил Эррол и пододвинул к себе тарелку с дымящимся мясом. Откусив большой кусок, долго и методично жевал, прикрыв глаза: наслаждался то ли вкусом, то ли запахом потрескивающих в печи дров.

Хиггинс тоже ткнул ножом мясо, но кусок встал поперёк горла, и Александр поспешил его проглотить, не разжевывая, запил пивом и отодвинул тарелку. Ягнёнок был пережарен – он это понял, едва надкусив, но Эррол продолжал смаковать блюдо, будто ничего вкуснее никогда не едал. Принадлежавший к семье ремесленника, он знал цену пище и хотя внешне, со стороны камзола и вычурного экипажа, производил вид щёголя и аристократа, которому трудно угождать, его истинная сущность легко читалась в таких обыденных ситуациях, как обед в таверне на задворках Бланеса или выбор цветов для дамы. В первом Акерс был прост, не привередлив и вечно голоден; во втором – скуп и хладен.

– Шестьдесят человек... – задумался Хиггинс. – Шестьдесят человек – и ни один не дрогнул перед виселицей, и не выдал тайну.

– Угу, – промычал Эррол, обсасывая кость и вытирая жирные пальцы о шёлковый платок со своими инициалами, вышитыми серебряными нитями. – Ладно эти... его головорезы... ни мозгов, ни сердца – всё Левассар из них вышиб, но дети... Я, признаться, ставил на то, что Эрик расколется.

– Я тоже, – добавил Хиггинс.

– Кем он ему был? Что-то вроде мальчика-на-побегушках?

– И я так думал, но один человечек мне шепнул, что Левассар до того сошёл с ума, что только Эрику и доверял. От всех остальных, как от огня, шарахался, всех страшил, днём прятывал сокровище, а ночью заставлял Эрика карту перерисовывать.

– Совсем спятил, – поддакнул Эррол, а потом произнёс, вставая из-за стола: – Ну да дьявол с ними со всеми, Александр. Катарина где-то запропастилась. Я принесу ещё пива и покумекаем, как угодить королю.

Размазав последний жир с пальцев по платку, Акерс поднялся и скоро исчез в полумраке таверны, пропитанной дымом копчёных колбас.

Хиггинс устало скривился, потянул руки, повертел головой вправо-влево, разглядывая интерьер. Но пара секунд – смотреть на убогую обстановку надоело. Александр расстегнул до конца камзол, сунул руку во внутренний карман и нащупал склеенную из сотни кусочков старую пожелтевшую карту. Вытащив ценную бумажку и разложив перед собой, Хиггинс бережно провёл кончиками пальцев по краям. Он одновременно обожал и ненавидел этот исчерченный вдоль и поперёк листок, жаждал с головой окунуться в его тайну и найти сокровище мёртвого пирата. Вот уже много лет Александр был одержим, но одержим не страстью наживы, а желанием обрести покой и избавиться от навязчивых видений. Тех самых, когда впереди ничего не

видишь – ни штурвала, ни компаса, ни горластой чайки на бортом, – но перед глазами стоит и никуда не хочет уходить кривая издевательская ухмылка. Ухмылка пирата Левассара.

Александр провёл ногтем по карте, будто чертил линию от одного острова до другого, будто прокладывал курс, хотя сам даже не представлял, о какой широте и долготе могла идти речь. Бриг Левассара облазил все моря, его шайку знали в каждом пиратском притоне, на каждой пиратской базе, в каждом кабаке и борделе. Но никто – ни один червяк – ни разу не дал ни одной зацепки адмиралу.

Непонятно какое море. Непонятно какая земля, глазающая с центра карты на Александра большой кирпично-чёрной кляксой. Непонятные семь точек – то ли капли пролитого кофе, наполовину смешанного с ромом, то ли в действительности семь выстроенных в линию островов. Но больше ничего. Ни тебе знака, где зарыто сокровище, ни цифр каких-нибудь, за которые можно было бы ухватиться. Есть только несколько букв, начертанных в хаотичном порядке. Над их значениями ломал голову лучший королевский дешифровщик, но ничего толкового не нарыл. Он перепробовал все варианты расстановки букв в слова, изучил все словари и справочники, посоветовался с мудрецами, даже заглянул в пиратские притоны, чтобы за кружкой-другой пива выведать у морских бродяг хоть что-то, что могло подтолкнуть к разгадке. Всё тщетно. Как неустанно повторял Эррол, заставляя при этом Хиггинса недовольно морщиться: «Ответ знал Левассар, но Левассара нет».

– Нет Левассара, но я и сам разберусь. Не дурак, – проворчал Александр и вновь уткнулся носом в карту.

Через открытое окно подул ветер, разбавляя свежестью душный, пропитанный копчёностями и пивом воздух и принося с собой слова неизвестной песни. Её пели противным, каркающим голосом, больше похожим на голос умирающего, чем певца, пусть и уличного, лишённого всякого слуха. Но ни голос, ни невидимый певец не занимали Хиггинса настолько, насколько – слова песни. Простые, ничем не примечательные, но Александр вздрогнул.

*Среди лесов, среди морей
Есть город мертвых королей.
Уснув навек, они молчат,
Костями большие не стучат,
И лишь раздастся воли крик,
Восстанут короли те вмиг.
Печати разорвутся все,
Смерть пронесётся по земле.
Печати ты не дай сорвать
А Непокорному – восстать.
Семь островов и семь камней
Несут защиту для людей.
Печати смело наложи
И не забудь про ключ души,
ведь
Среди лесов, среди морей
Есть город мертвых королей.*

Схватив со стола карту, скомкав её и сунув в карман, Хиггинс вскочил со скамьи и рванул к дверям. Посетили таверны тут же уставились на адмирала, кто-то даже пальцем у виска покрутил, предварительно, конечно, убедившись, что Александр этого не увидел. Эррол, возвращавшийся от прилавка с кружками, полными пива, недоуменно уставился на наставника.

Выскочив на улицу, Хиггинс завертел головой по сторонам. Завывающего старика он увидел быстро – тот сидел справа, на перекрёстке двух узких улочек, поджав под себя босые ноги. Его глаз не было видно, нос был таким огромным, что занимал добрую половину лица. Кривыми пальцами с длинными чёрными ногтями, под которыми застряла земля, старик водил по песку и чертил непонятные узоры. Длинная седая борода острым концом нырнула в деревянную миску для милостыни, где вместо положенных грошей валялся огрызок яблока.

Старик уже затянул новую песню о моряке, что разрывался между любовью к морю и самой красивой девушке на свете. Стихия победила и унесла на дно тело юноши, но его душа навеки осталась с его возлюбленной. Александру, впрочем, было глубоко наплевать в тот момент, какие слёзы роняла красавица, сидя у окна и глядя, как салютуют корабли в память об их погибшем капитане. Его интересовало совсем другое.

– Что ты такое пел, старик?

С трудом дыша, Александр остановился, опёрся рукой о шершавую каменную стену дома, у которой гнезился нищий, и перевёл дыхание.

Старый оборванец поднял голову и посмотрел на адмирала глазами, которых не было видно.

– Я пою о многом, мил человек, – беззубым ртом прошамкал он. – О былом и будущем, о любви и ненависти, об одержимости и морских тайнах.

– Вот о тайнах давай-ка поподробнее! Семь островов, что тебе о них известно?

– Зачем такому важному господину знать о семи островах? – прокаркал старик и прищурился так сильно, словно его слепило солнце.

– Я понял. – Хиггинс хлопнул себя рукой по лбу, пошарил в кармане и вытащил монету. – Теперь скажешь? – Монета прыгнула в миску к попрошайке.

– Это всего лишь песня, добрый человек. Откуда старику знать, что навывдумывали моряки, когда её слагали?

– Так это песня моряков?

Старик разомкнул было сухие тонкие губы, чтобы пробубнить что-то в ответ, но его прервали.

– Александр! – Подоспевший Эррол окликнул Хиггинса. – Куда вы пропали?

– Этот старик что-то знает. – Хиггинс повернулся к помощнику и взволнованно говорил, сглатывая половину слов. – Надо бы его отвезти в Каллас. Да куда угодно, лишь бы разговаривался. Бери его, Эррол.

– Кого брать-то? – недоумевая, спросил капитан Акерс, глядя на своего командира, как на сумасшедшего.

– Этого старика.

Александр обернулся в сторону, где ещё недавно сидел и тянул свои тоскливые песни прокажённый, но того и след простыл.

Глава 4. Побег

– Ненавижу, – сквозь зубы процедила Эмма и швырнула на землю соломенную шляпку, украшенную лиловыми лентами и нежными фиалками.

Наплевав на все приличия, девушка скинула туфли, шлёпнулась на траву, вытянула ноги и потянула на себя полы платья, обнажая красивые щиколотки. Запустила руку в копну собранных на затылке волос, вытащила шпильку, бросила её к туфлям. В тот же миг шелковистые волосы яркими брызгами разлетелись по плечам юной баронессы и заколыхались на лёгком ветерке, дувшем с моря.

День не задался с рассвета.

Эммой все были недовольны, начиная с матушки, пригрозившей за выходку со свитками запереть дочь в комнате и выпустить только к началу бала, и заканчивая служанкой Мартой, ни в какую не соглашавшуюся помочь с побегом. Только отец проявлял завидное равнодушие, умудрившись, наконец, найти нужные ему сапоги и скрыться подальше от глаз ворчливой жены на вересковых пустошах. Одно было донесено Эмме в то утро ясно и чётко: бала не избежать, хочет она того или нет. И замуж ей уже самая пора, иначе опозорит род фон Стерлсов перед королём и соседями, а соседи, как известно, – большие любители сплетен.

Естественно, в самый короткий срок все недостающие приглашения были отправлены с самыми быстрыми гонцами. Матушка не поленилась и лично убедилась, что лошадей накормили вдоволь, чтобы те смогли выдержать нелёгкий путь.

Отдельно было отправлено приглашению королю. Оно было написано на красивейшей тонкой бумаге, нежно пахнувшей розами, и буквы были выведены лучшими фиолетовыми чернилами и с особой тщательностью, со множеством закорючек, как и положено при обращении к царствующей особе. Скрепили письмо фамильной печатью и отправили с гонцом в карете с гербом барона на дверцах.

Ещё несколько дней – весь Каллас будет знать о грандиозном празднике. С обеих частей королевства – Нерсеса и Бланеса – съедутся к Серым скалам самые знатные фамилии. Будут тут богачи и обедневшие аристократы, виконты и графы, их чопорные мамыши и усатые папашы, братья, сестры, кузины и кузены, а ещё куча прислуги... И всё ради того, чтобы отдать дань традициям, поглазеть на очередную богатую девицу на выданье и сделать ставки, какому счастливчику перепадёт главный приз в виде... нет, не красавицы-жены, а её роскошного приданого. И само празднование будет длиться семь дней.

День первый – самый скучный. Куча церемониальных приветствий, платье кремового цвета и деланный вид скромницы. «Мы вам безмерно рады» и «Это честь для нас принимать вас», а также прочие жеманства и скучающий вид. Нужно будет простоять весь день рядом с маменькой и папенькой в Парадном зале замка и всем улыбаться. Кавалерам, независимо от их возраста и наличия плеша на голове, нужно будет протягивать затянутую в кружевную перчатку руку для поцелуя; их сестёр и матерей – приветствовать лёгким кивком головы.

День второй – сплошные турниры, охота, карты и пикники. На завтрак Эмма явится в платье цвета весенней травы, а затем сменит его на серо-зелёный охотничий костюм с воротником из лисьего меха и соколиным пером в шляпке. И целый день будут скачки, погони, выпотрошенная добыча и хвастовство перед ужином, кто жирнее лису поймал, а кому достался только куцый заяц.

Третий и четвёртый дни самые ненавистные. Это дни близкого знакомства, когда Эмме и неженатым юношам предстоит присмотреться друг к другу. Дни утомительных прогулок и бесед. Нужно будет уделить минутку внимания каждому приехавшему семейству, обмолвиться парой-тройкой заученных фраз о погоде и о том, какие зимой цвели хризантемы в оранжерее.

Ничего скучнее Эмма в жизни припомнить не могла, но так требовали обычаи и правила поведения в высшем обществе.

Пятый день – день короля. Его величество прибудет после обеда и подарит невесте жемчужное ожерелье. Этот день станет настоящим отдыхом для Эммы. Всё внимание будет приковано к царствующей особе, все будут сдувать с него пылинки и потакать всем его капризам; все на целый день станут его тенью и будут подбирать каждую крошку из-под ножки его кресла. А Эмме нужно будет, приняв щедрый подарок, сделать глубокий реверанс и поцеловать перстень на руке его величества, а после целый вечер готовиться к последним, самым ответственным дням, а на деле – просто валяться в кровати у себя в комнате и листать роман, наслаждаясь недолгим одиночеством.

На шестой день по обыкновению ходят стрелять куропаток, а вечером их потрошат и жарят прямо на улице под балконом замка. Ещё на ужин подаётся суп из чечевицы, горячие лепешки и много прохладного розового вина. Это день сплетен и перешёптываний за спиной – выбор Эммы ещё никому не известен, а гадать и перебирать начнут сразу, как вино в голову ударит.

И, наконец, седьмой день. День самого роскошного бала в Калласе, о котором слуги будут потом судачить ещё год. День, когда распахнутся двери всех балконов в Хрустальном зале, когда дамы наденут свои лучшие шёлковые и парчовые платья, когда из шкапулок достанут бриллианты и жемчуга, когда всё вокруг будет блестеть в свете многочисленных свечей, которые разом зажгутся в огромных хрустальных люстрах, гигантскими каплями свисающих с потолка. Это будет день танцев до рассвета и фонтанов из игристого вина, день нервов и волнения, сбивчивых слов и нерешительности, день красных от стеснения щёк, платья верескового цвета и скромного букета девицы на выданье, состоящего из чайной розы, смешанной с ландышем, миртом, мелкой белой гвоздикой и плющом.

Эмма будет улыбаться направо и налево, подарит по танцу каждому из претендентов на её руку и сердце и, когда часы пробьют двенадцать, подойдёт к тому единственному, с которым она согласится пойти под венец. Обручение завершится, король даст своё благословение, и на следующий день все разъедутся: кто – высыпаться, кто – трепаться о том, сколько золота барон фон Стерлс потратил на такое грандиозное празднование, а кто – готовится к свадьбе и принятию в дом богатой хозяйки.

При этой мысли Эмма стиснула кулачки с такой силой, что попавшая промеж пальцев трава была выдернута с корнем. Девушка уже хорошо знала, кто из приглашённых женихов будет претендовать на её руку, и среди этого длинного списка не было ни одного, у кого была бы хоть капля того обаяния, которым обладал Грант. Не было ни одного, кто мог вызвать в сердце Эммы хотя бы симпатию, не говоря уже о серьёзных чувствах.

Ну, спрашивается, что может быть общего между ней, утонченной и воздушной, и сорокалетним стариком, маркизом де Грааф, с которого отец буквально пылинки сдувает и только потому, что тот простил отцу крупный проигрыш в карты? С сильной болью в спине – такой, что маркиз днями не мог разогнуться и всё время посылал за лекарем и порцией свежих пивовок, – де Грааф к тому же был слеп на левый глаз. Различал только красный и белый цвета и считал, что цвет волос у Эммы пепельный вместо золотисто-рыжего.

Но если о де Граафе можно было волноваться не особо сильно (матушка вряд ли согласится на брак единственной дочери с больным маркизом), то мысли о лорде Стефансоне щекали нервы уже куда больше. Лорду Стефансону было около тридцати, и шансов окольцевать юную девушку у него было достаточно. Лорд был высокого роста, пользовался благосклонностью короля и очень любил верховую езду. Поговаривали, он неделями не бывал в своём поместье, а когда возвращался, то был весь грязный и помятый. Хороша же будет доля! Сидеть одной в стенах замка и ждать вечно потного и неопрятного мужа, который и навоз с сапог

не счищает, а сразу мчится в спальню... Эмму передёрнуло. Только не Стефансон! Уж лучше сорокалетний лысый маркиз.

Ещё был князь де Марки, которому от роду девятнадцать лет. Он хоть и молод, но, по мнению всего высшего общества, глуп и страдает инфантильностью. Неужели его придётся выбрать?

Ах, если бы среди приглашённых был Грант...

Эмма ещё сильнее сжала кулачки. Ведь так всё просто: переодеться в неприметные одежды, покрыть голову платком или капюшоном и, отворив засовы, бежать ночью к любимому, который тоже любит, мучается и ждёт. Что стоит Марте немного помочь своей госпоже? Что стоит чуток подсобить, дать одежду попроще да проследить, чтобы никто ничего не заподозрил? Так нет же! Она трусит! Трусит, как... как...

– Ты дождёшься, Марта, что меня и вовсе запрут на ключ в моей комнате. Буду сидеть на хлебе и воде и рано или поздно выброшусь из окна. И будет вам всем поделом, – злобно прошептала Эмма, поднимая полы платья и направляясь к парадной лестнице.

– Вот вы где! – Из-за розовых кустов вынырнула та самая Марта и, всплеснув руками, ринулась к молодой госпоже. – Я уже ноги все в кровь избила, пока вас искала. И в саду смотрела, и во всех спальнях, и в библиотеке, и в музыкальной гостиной, даже на чердак поднялась, а вас нигде нет.

– Скоро не будет надобности нигде искать, – недовольно рявкнула в ответ Эмма. – Буду сидеть в четырёх стенах, запертая на ключ. И будет тебе радость.

– Но госпожа... – опешила служанка.

– Я всё равно сбегу, – стиснув зубы, процедила Эмма.

– Госпожа!

– Сбегу! С твоей помощью или без, но сбегу!

– Уж лучше тогда с моей, – обречённо вздохнула Марта, понимая, что юная баронесса всё равно сделает так, как ей угодно. – Хоть прослежу, чтоб в вашей котомке было булочек штук пять горячих да сыра и ветчины вдоволь. Сами-то вы не догадаетесь положить. Да чтоб плащ был тёплый и до пят, сами-то вы в свой шёлковый закутаетесь... Так ведь?

Верная служанка жалостливо посмотрела на девушку, но та, однако, жалостью не прониклась. Напротив, глаза Эммы заблестели, словно юную баронессу одолела лихорадка, а губы задрожали, предвкушая сладкий поцелуй при встрече с любимым.

две недели спустя

Баронесса фон Стерлс недовольно шагала от одной колонны к другой.

– Всё маешься, душа моя, – рассеянно заметил её супруг, направляя лупу на крупного рогатого жука. – Почитала бы...

– Меня опять беспокоит Эмма. – Баронесса поджала губы.

– Что теперь? Девочка, кажется, смирилась и не смеет более перечить.

– Вот именно! – В голосе баронессы звенели льдинки. – Когда она брыкалась и пела, что не признает традиций нашего королевства, я ещё была спокойна. Когда она прятала приглашения, я тоже спала беспробудно. Но сейчас... «Да, маменька. Как изволите, маменька». Что-то пошло не так...

Неэлегантно сморщив похожий на мелкую картофелину нос, баронесса потёрла пальцами виски и отправила служанку за успокоительным.

– На прошлой неделе Эмма перебирала заново составленные приглашения, которые ушли с гонцами на днях. Может, увидела среди имён какое-то знакомое и оказалась не прочь

избрать того счастливец себе в мужа? Мы ведь тоже именно так выбрали друг друга, душа моя. – Барон громко и довольно засопел и, высунув кончик языка, аккуратно поддел жука пинцетом, и опустил в колбу.

В ответ баронесса только фыркнула и еле слышно вздохнула.

– Среди неотправленных были письма Гринам, Парсонсам, де Ружу и Лиманам. Если только Эмма симпатизирует Милтону Грину? Хорошая может быть партия. Правда, Грины намного беднее нас, и их поместье насчитывает всего сорок спален. Тесно. Я прямо в сомнениях...

– Милтон – неплохой молодой человек. Учился законам и прочим бумажным тонкостям. Его дед служил при покойном короле писарем. Говорят, только он мог так выводит букву «я», что нижняя загогулина один в один повторяла золотой виток на королевской короне.

– Ох, я в замешательстве, – баронесса тяжело вздохнула, упала в кресло, дрожащей рукой приняла чашку из рук служанки и начала жадно пить воду с успокоительными каплями.

– Кого бы Эмма ни выбрала, – промурлыкал барон себе под нос, отставив колбу в сторону и сделав пометки в дневнике наблюдений, – я бы хотел, чтобы она была счастлива.

Страница никак не хотела переворачиваться. В какой-то момент Эмма поймала себя на том, что перечитывает последний абзац уже седьмой раз и ничего не понимает. То ли главный герой сам набрался наглости, прижал к себе принцессу и слизал солёные капли с её горячих губ, то ли та принцесса прыгнула к нему в объятия, и соль была на его губах, тёплых, но обветренных и пахнущих морем.

Захлопнув книгу, девушка прислушалась.

Марта всё не шла. Да и вообще по ту сторону двери не было слышно ни одного шага, даже скрежета мыши. Только волны накатывали за окном и шелестели мелкой галькой.

Эмма взяла свечу и подошла к окну: сплошная темень кругом, а ещё немного звёзд на небе. И одна звезда вдруг закачалась, словно приготовилась сорваться и упасть в море, а Эмма в тот же миг зажмурилась и... сотни мыслей ворохом принялись роиться в голове, сотни желаний начали залезать одно на другое, и каждое стремилось стать тем единственным, которое будет загадано под падающую звезду.

– Да что же это такое! – в сердцах выпалила Эмма. – Ни замуж нормально выйти, ни желание загадать. А ну, стоп! – крикнула девушка своим разбушевавшимся мыслям и, наблюдая, как срывается и летит в пропасть маленькая, далёкая, холодная звёздочка, выплюнула: – Хочу быть с ним всегда!

Звезда уже коснулась тёмного моря и начала в нём тонуть, как Эмма спешно добавила:

– С Хиггинсом!

Добавить имя любимого не успела – хищные волны проглотили искорку и утащили на дно.

Входная дверь тихонько скрипнула и приоткрылась. Девушка ойкнула и юркнула за ширму.

– Это я, госпожа. Марта. – Услышала Эмма знакомый голос. – Я привела своего брата Хетта. – Служанка отодвинулась в сторону и пропустила вперёд себя паренька, ростом и телосложением сильно напоминавшего Эмму. – Вы случаем не передумали?

– Ещё как не передумала! – подала Эмма голос из-за ширмы, так и не рискнув выйти. Ведь при виде полуобнажённой девицы воображение деревенского мальчишки могло разыгаться пуще дозволенного, а на такую вольность Эмма была не способна. – У меня нет желания выходить замуж ни за одного из этих лысых, бородатых, потных, вонючих аристократишек, которых матушка прочит мне в мужа.

– Тогда быстрее переодевайтесь. Смена Хетта давно закончилась, и повозка стоит у ворот, чтобы увезти его и других слуг до деревни. Подвяжите поясом брюки, накиньте плащ и капюшон. Посильнее на глаза. Вот так.

Марта заботливо помогала баронессе с новым «нарядом».

– Мы пройдем к повозкам вместе с остальными слугами. От Хетта вас не отличишь. Та же удобка и рост одинаковый. Только волосы посильнее закрепите на затылке. А как окажемся за воротами, повозка со слугами повернёт направо, а с вами – налево. Возница предупреждён.

– И что дальше? – Эмма дрожала от волнения и неизвестности.

– Возница привезёт вас к таверне «Весёлый рыбак», что прямо за третьим поворотом от Серых скал. Там вам нужно будет найти некого Ригана. Он служит коком на бриге моего хорошего знакомого. Риган отведёт вас на тот самый бриг и передаст капитану. Капитана зовут Фрэнк, и он всё знает, – многозначительно улыбнулась Марта, демонстрируя редкие жёлтые зубы.

– Он знает, что я женщина? И что баронесса? – ахнула Эмма.

– Вам не стоит волноваться, – Марта говорила спокойно и уверенно. – Фрэнки – мой... – она запнулась и покраснела, – ...мой ухажёр. Мы, наверно, скоро поженимся... Ему можно доверять все тайны и деньги. Вы, кстати, взяли кошель, как я вам наказала?

Эмма кивнула, отворачивая жилет и проверяя тканевую сумочку, прикреплённую к поясу, в которой побрякивало несколько золотых монет.

– Отлично. Второй кошель Фрэнку отдаст Грант Хиггинс, когда вас доставят к нему. Да будут боги благосклонны, и вы с ним обвенчаетесь! Вы такая прекрасная пара! Как же досадно, что семьи в ссоре. – Марта молитвенно заломила руки, искренне желая госпоже счастья.

– Мы будем с Грантом вместе, чего бы мне это ни стоило. – Эмма стиснула зубы, посильнее натянула на глаза капюшон, втянула голову в плечи, как это по обыкновению делал Хетт, и направилась к выходу.

Оставив брата в комнате юной госпожи и строго-настрога наказав ему потушить все свечи, не шуметь и не дышать, а только ждать, когда Марта за ним вернётся, служанка выскользнула в коридор и поманила за собой хозяйку.

По длинному каменному холлу они не шли, а тихонько кралась, стараясь не попадаться на глаза страже и не привлекать внимания остальных слуг. Самое сложное – проскользнуть мимо распахнутых дверей в библиотеку, где, как назло, было светло и матушка с отцом склонились над родовой книгой, и внимательно вычитывали текст.

Спор о широте владений Милтона Грина зашёл так далеко, что барон решил открыть старые летописи, в которых можно было узнать всё вплоть до клички домашней собачонки прапрапрадеда Эммы. Водя пальцем по давным-давно начертанным строчкам, барон хотел доказать супруге, что в их роду уже были свадьбы, когда невеста была в разы богаче жениха. В итоге было найдено три подобных случая, но баронесса всё равно не успокаивалась.

– Для Эммы я хочу только всё самое лучшее! – воскликнула она и поправила в глазу увеличительное стеклышко.

– Как мы проберёмся мимо библиотеки? – испуганно зашептала Эмма на ухо Марте, прячась за колонной. – Они увидят нас, и мне конец!

Служанка укоризненно качала головой.

– А я думала, только я одна боюсь гнева баронессы... Вы, главное, держитесь левой стороны и делайте вид, что спешите на улицу. Впрочем, вы и так спешите. Если сейчас не поторопитесь, то окончательно опоздаете. Возница долго ждать не будет – подозрительно. А Фрэнк говорил, что отплывает с рассветом. Так что или сейчас, или никогда.

– Сейчас, – стиснула зубы Эмма и решительно двинулась вперёд.

Баронесса тем временем не унималась. Седые волосы, некогда бывшие красно-огненными, густыми и шелковистыми, были собраны в тугой пучок на затылке, который подпрыгивал в такт её шагов.

– Нет, Грины – совсем не вариант. Бедные, что с них возмёмшь? А имя и у нас не хуже.

– Тогда остаётся де Грааф, – развёл руками барон. – Должен же я как-то отплатить ему за то, что он простил мне карточный долг.

– Он же в два раза старше нашей дочери, – поморщилась баронесса. – Ох, и выбрать-то толком не из кого! – в сердцах воскликнула она и, подняв голову, посмотрела в сторону дверей и длинного, тускло освещаемого холла.

– Марта! – окликнула баронесса служанку. – Поди-ка сюда. И кто там с тобой... тоже сюда! Внутри Эммы всё сжалось.

«Сейчас обман и раскроется, – вмиг подумала девушка. – Матушку ещё никому не удавалось обвести вокруг пальца».

– Кто это у тебя за спиной прячется? – Баронесса нахмурила брови.

– Мой братишка Хетт, – пискнула Марта, подталкивая Эмму вперёд.

– Кем ты у нас служишь?

– Он подсобляет повару на кухне, – мигом ответила за юную госпожу служанка. – Он всего месяц как при дворе.

– А сам он, вижу, язык проглотил?

Баронесса развернулась и отошла в сторону, к мягкому креслу и столику, на котором высилась гора непрочитанных книг. В разных переплётках – кожаных и из бархата цвета бирюзы и малахита с песочными прожилками – они уже давно ждали своего часа, но баронесса всё тянула с прочтением, предпочитая пролистывать короткие «Светские новости», а не погружаться в четырёхсотстраничный роман.

– Надеюсь, Эмма уже спит? – только и спросила баронесса, барабанив пальцами по верхнему тому.

– Уже давно, – ничуть не краснея, врала Марта. – Бедняжка сегодня сильно устала при обсуждении с поваром десертов для праздничного бала.

– Завтра разбуди её пораньше, – ледяным тоном произнесла баронесса. – Придёт портной снимать мерки, а после поедом выбирать ткань и кружева на платье. Всё должно быть с королевским размахом – дочь у меня единственная!

– У меня тоже, – выдал барон, не поднимая головы от родовой книги. – Посмотрите, душа моя, какими бабочками я украсил страницу, где будут выведены фамильный герб Эммы и их с супругом инициалы.

– Ступай, Марта, – благосклонно кивнула баронесса и, вернувшись к супругу, кинула на страницу полный равнодушия взгляд. – Уберите ваших сухих бабочек и украсьте жемчугом. Эмме подходит бежевый.

Этих слов, однако, ни Марта, ни переодетая Хеттом Эмма не расслышали. Обе бежали к воротам, где всех слуг ждали повозки.

Испокон веков замок фон Стерлсов требовал много прислуги. Так уж повелось, что нынешние хозяева замка, как и их предки, жить любили на широкую ногу, а значит, и обслуживать их должны были по высшему классу. Порой, сам король шутил, что фон Стерлсы принимают балы с куда более широким размахом, чем он сам. Барон при этих словах лишь низко кланялся и отнекивался от таких комплиментов. Но что правда, то правда, прислуги в замке насчитывалось крайне много. Какая-то часть жила прямо при хозяевах, занимала тесные комнаты на чердаке и в подвалах. Садовники, конюхи, возницы обитали в небольших домиках на задворках сада, куда господа никогда не навещались. Другая часть раз в неделю разъезжалась по домам, сдавая смену, чтобы через семь дней вновь вернуться к стенам замка и своим обязанностям.

Повозки заполнялись быстро – предвкушавшие недельный отдых слуги весело балагурили и подшучивали друг над другом. Некоторые даже подшучивали над бароном и его бабочками. Услышь эти шутки Эмма в другой раз, немедленно бы возмутилась, но сейчас предпочла не высовываться, натянуть шляпу чуть ли ни на глаза и сидеть тихо и смирно, делая вид, что дремлет после тяжёлого дня.

Возница замахнулся кнутом, и телега тронулась с места. С каждым ударом сердца Эмма становилась всё ближе и ближе к своему счастью.

Глава 5. Золотозуб

Извилистая дорога шла ухабами. Телегу мотало из стороны в сторону, и Эмму быстро укачало. К горлу подступила неприятная горечь, и девушка еле сдерживалась. Постоянно сглазывая, она крепилась, как могла, но выходило плохо. Болтающаяся из стороны в сторону повозка – это вам не карета. А извилистая тропа – не ровный тракт, по которому обычно ездила знать. Скрючившись и сторбившись, Эмма сидела, словно забитая мышь, прижавшись к бортику, и начинала ловить себя на мысли, что надо было остаться в замке и найти другой способ встретиться с Грантом. Она бы уже и крикнула вознице «Разворачивай!», но повозка обогнула огромный двухсотлетний дуб, и в глаза Эмме ударили яркие огни.

Окна таверны «Весёлый рыбак» горели светом ярких красных фонарей, какие зажигают обычно по праздникам. Снаружи, как и внутри, всё суетилось и шумело. Гремели дверьми, разбивали бутылки, хохотали и бросались бранными словами. Шумными компаниями заваливались внутрь и так же вываливались обратно с той единственной разницей, что на ногах уже не стояли и даже двух слов связать не могли.

Ни разу в жизни не видевшей ничего подобного Эмме стало страшно. Руки и ноги похолодели, лицо побледнело, а по спине суетливыми муравьями побежали мурашки.

– Продрог? – без тени жалости спросил возница. – Спускайся да поживее. Мне с тобой возиться некогда – хозяйка моя истомилась одна дома.

Неуклюже, но иначе она не могла, Эмма вылезла из телеги. На ладони образовалась первая заноза, а башмак чуть не слетел, когда под ногу попался острый валун и Эмма оступилась.

– И что вас всех в это злчное место тянет? – неодобрительно проворчал возница, закрепляя штырями борт повозки. – Едва молоко на губах обсохнет, сразу сюда по бабам шляться. И нет бы бабы какие работающие были. Так нет, манит вас на раскрашенных кукол, которых кто только не тискал. Ух, ежели своего сына хоть разок тут замечу, вмиг выпорю. Ни одного живого места не оставляю. Чай, урок будет.

«Я не по бабам», хотела было вставить Эмма, но вовремя прикусила язык. До встречи с капитаном, который должен будет доставить её к Гранту, лучше вообще ни с кем не разговаривать и ни во что не лезть. Ведь вернуться в замок и сидеть там запертой до дня свадьбы совсем не укладывалось ни в планы, ни в желания.

Шаг-другой в направлении двери таверны, и ноги вмиг стали ватными. До чего же неприятные лица вокруг! С младенчества окружённая прекрасным, Эмма и мысли не могла допустить, что бывают люди без зубов, со шрамами в пол-лица и во всю шею, бритые налысо, с бородавками на самой макушке, лишённые уха или глаза или сторбленные настолько, что нарыв на спине вот-вот к земле придавит. Женщины же, стоявшие прямо у входа и жевавшие сушеные листья мяты, вели себя столь распутно, что Эмму передёрнуло.

Ещё пара шагов к двери – рука упрётся в то место, где полагается быть замочной скважине, но как же не слушались ноги! Да и ключ вставлять некуда – замок вырвали вместе с частью доски давным-давно. Новый ставить не стали – надобности не было, ведь сновали туда-сюда день и ночь и заведение никогда не закрывалось.

– Смотри, куда прёшь!

Эмма вздрогнула и отскочила назад, а мимо неё пронеслись неопрятные всадники на таких же неопрятных лошадях, разве что прытких. Спешившись, всадники бросили поводья мальчишке-конюшему и скрылись в шуме и разврате блистающей огнями таверны.

Идти вперёд нужно было начинать заново. Боязнь оказаться растоптанной или обрызганной из навозной лужи придавала уверенности. Страх оказаться раскрытой и, что ещё хуже, надруганной занял вторую чашу весов, и обе сравнялись. Так бы и стоять раскорякой – одна

нога в кучке терпкого лошадиного навоза, другая – в песке, смешанном с опилками, – если бы не лёгкий подзатыльник.

– Да не мнись, словно девка в первую ночь. Зашёл, бабу присмотрел, сделал дело и побрёл обратно в хлев спать. Тут любая даст, не посмотрит, что тощий. Были бы гроши.

Говорил мужик, выросший позади Эммы из ниоткуда. Первое, что она заметила, это его руки. Крепкие, они сильно пахли окороком и тмином. Мужик сграбастал Эмму за шиворот, словно беспомощного котёнка, и потащил к входу. Пнув ногой дверь, ввалился внутрь и занял центральное место прямо у воткнутой в горшок карликовой пальмы, за столом, на котором уже стояла бутылка тёмного вина в окружении многочисленных крошек и рассыпанного табака. Зубами вытащив пробку, мужчина хлебнул прямо из горла, вытер капли с давно небритого подбородка и протянул бутылку Эмме.

– Хлебни для храбрости! А я пока поищу тебе бабу.

Переданное пойло Эмма даже пригубить не смогла – так отвратительно оно пахло. Скривившись, будто лимона отведала, девушка отставила бутылку в сторону и помахала рукой у носа, отгоняя противный запах.

Зачем странноватый мужик ринулся искать ей бабу, Эмма никак не могла взять в толк. Служанка ей, конечно, не помешает, но только после того как маскарад будет снят. Марта говорила, что путь до Белой бухты не быстрый, но Эмма вполне продержится пару недель без сторонней помощи. Штаны – это вам не пышные юбки, надетые одна на другую, а просторная туника – не тугой корсет. Раздеться и залезть под тёплое одеяло можно за минуту. А там проваляется все дни в тепле на корабле, уткнувшись носом в подушку, пересмотрит все цветные сны и окажется в крепких объятиях любимого.

В который раз перед Эммой всплыл образ Гранта. Трогательный взгляд зелёных глаз, такой нежный, такой любящий. Словно омут, он затягивал и манил. Словно волшебное зелье, исцелял от хандры и придавал сил. И как же не хватало этих сил здесь, в душном, пропахшем потом и вином помещении с низким потолком и огромным количеством столов и стульев, почти все из которых были расшатаны.

Сизые клубы дыма окутали балки, подпирающие потолок. Этот дым жил здесь вечно, и даже сильному порыву ветра, залетавшему через раскрытую дверь и многочисленные щели, было не под силу разогнать табачные облака хотя бы частично.

Грязь и копоть были повсюду: на облезлых стенах и на скамьях, на пивных бочонках и внутри пивных кружек, на напудренных волосах девиц, по одному лишь щелчку пальцев оголявших ноги, даже на кончике носа у девчонки-прислуги, бегавшей из одного угла таверны в другой с тяжёлыми подносами, уставленными прокисший выпивкой и плохо прожаренным мясом.

Где грязь, там и разврат. Ноги, обутые в яркие красные туфли на высоченных каблуках, загребая кучи мусора, опилок и осколков битых бутылок, спешили к подвыпившим посетителям. Девицы – рыжие, тёмные, выбеленные, ярко покрашенные и разодетые чуть ли не в перья павлина – садились на колени к возбужденным морякам и, словно хищные гарпии, впивались им в губы. От вида языка одной такой, уже по пояс раздетой, Эмму передернуло. Только сейчас она начала понимать, в каком месте оказалась, и уверенности это сильно поубавило. А происходящее в таверне всё набирало и набирало обороты, словно снежный ком, и вот уже и справа, и слева слышались стоны и частое дыхание. Эмма покраснела, опустила голову и закрыла глаза.

– Эгей, хлюпик, а вот и я, – услышала девушка прямо над собой уже знакомый голос. То был мужик, что силой заволок её внутрь таверны – сама она бы ещё долго решалась. – И гляди-ка, кто со мной. Самая страстная, самая опытная и самая опасная... ха, не ты ли подсыпала дурман-траву в вино Иззи, а потом его обчистила?

Эмма с трудом заставила себя поднять голову. Рядом с новым знакомым стояла коротко стриженная девица в длинном, местами порванном, местами латанном малиновом платье и оценивающе смотрела на дрожавшую от страха Эмму. При этом девица громко щёлкала костяшками пальцев, украшенных дешёвыми подделками под рубины и изумруды, и что-то методично жевала.

– Да заткнись ты, балабол, – бросила стриженная, в какой-то момент перестав жевать. – Я Иззи траву подсыпала не для того, чтобы его обчищать. Сам знаешь, братъ с него нечего кроме дырявых штанов.

– А зачем тогда?

– Чтобы умирить. Разбушевался он и на Кассандру с дубиной полез. Чуть не прибил нашу новенькую. – Девица снова посмотрела на Эмму. – Ну, пойдём, что ли? Звать меня Лайлой, впрочем, имена здесь мало кто запоминает. А ты худой какой-то. Разом не больной? Я на больного не договаривалась!

– К-куда пойдём? – начала заикаться Эмма, намертво прилипнув к скамье.

– Ты больной или дурак? – недоуменно кинула Лайла. – Сюда только за одним приходят. И недовольных ещё не было.

Но Эмма не торопилась отлипнуть от скамьи лишь для того, чтобы узнать, за чем таким приходят в «Весёлого рыбака». По правде говоря, до сего неуклюжего момента девушка думала, что приходят исключительно за выпивкой и горячей едой. Оказалось, не только.

Руки нащупали неровный деревянный край и вцепились в него – не оторвёшь. Холодные пальцы нашли каждый изъяз, каждую щёлочку на проеденной жуками древесине, укололись о каждую лучину, не срубленную и торчавшую острой иглой. Только сейчас до Эммы дошло, чем решил порадовать её случайный незнакомец, и разоблачение оказалось как нельзя близко. И это в первый же вечер побега да ещё и в таком окружении!

Это же не люди вокруг, а звери, сверлящие похотливыми взглядами любой изгиб женского тела, возбуждающиеся от одного только вида изящной ножки, обтянутой белоснежной резинкой чуть выше колена. У тех людей и не лица вовсе, а рыла, все измазанные в сале, рыбьем жире и вине. Плюхаясь носом в тарелку с тошнотворно пахнущим ягнёнком на кости, они вылизывали прогорклое масло языком, который потом запихивали в рот размалёванным девицам, источая густые слюни и возгласы, похожие на свиное хрюканье.

С каждой новой секундой Эмме становилось противнее и противнее. Почувствовав, что сейчас не вытерпит и даст волю всему тому, что накопилось внутри, она вскочила и перегнулась через стол. Вдоволь отплевавшись, вытерла рукавом губы и поморщилась. Такие запахи были ей новы.

Выпрямившись, Эмма уселась обратно не скамьёю, потупила взгляд, а щеки налились свёклой да так и горели, не затухая.

– Ты кого мне привёл, Риган? – желчью сплюнула Лайла, недовольная, что пришлось остаться без барышей. – Только время потеряла, могла бы уже Забияку Дэна обработать. В отличие от тебя он всегда дарит мне шёлковые чулки!

«Риган, – прошептала про себя еле живая Эмма. – Тот самый Риган, про которого говорила Марта и который должен отвести меня на корабль».

– А кто знал? – развёл Риган руками. – Гляжу, хлюпик топчется на месте, зайти не решается. Дай, думаю, подсоблю.

– С тебя монета и выпивка мне за простой, – процедила Лайла. – Теперь и клиента нормального не найдёшь. Все или под столами без сил валяются, или деньги уже спустили. Удружил ты мне, век не забуду.

– Держи свою монету. Две держи. – Риган засуетился и зашарил в карманах коричневого жилета.

Лайла мигом сцапала две небольшие тёмно-красные монетки.

– А Беар чего не пришёл? Уже дней пять к нам носа не суёт. Я соскучилась.

– Беар? Ну... – Риган не смог выкрутиться и пошёл в атаку: – И чего вы все за ним бегаете? Так и висните на нём, словно прищепки на бельевой верёвке. Он ведь тебе даже не платит. Придёт, облапает задарма, рома налакается и сбежит на несколько месяцев. То ли дело я.

И в доказательство Риган громко и смачно плюнул, но плевок попал на нос его же сапога. Лайла ухмыльнулась.

– Ты на себя давно смотрел? Жалкое зрелище... Стал похож на картошку, которую днями на камбузе чистишь. Раздеть тебя – так там одна рыхлятина.

– А у Беара рыхлятины нету?

– Нету.

– Зато на морду его глянешь и навек заикой останешься. Один раз я переварил кальмара, так он мне брюхо чуть не вспорол.

– Зато как обнимет, как прижмёт, – Лайла мечтательно закрыла глаза, – так и чувствуешь: вот он, огонь, который согреет.

Риган расхохотался.

– У него таких, как ты, мотыльков, знаешь сколько? И не надейся, что твоим станет.

– Ревнуешь что ли? – Лайла упёрлась руками в бока и вызывающе смотрела на Ригана.

Тот лихорадочно придумывал такой ответ, чтобы и слабым не показаться, и нос «противнику» утереть. С ответом всё не клеилась, и Эмма поспешила вклиниться в спор, не дожидаясь, когда он превратится в мощную словесную или даже кулачную баталию.

– Вы – Риган?! – воскликнула девушка, сильно волнуясь.

– Риган, Риган! – ворчливо ответили ей.

– Тогда я к вам! Я от Марты.

– Вот оно что! То-то я смотрю, ты на мужика не больно похож. Я слышал, что братец Марты, как девчонка, везде жмётся и всего боится, но чтобы так...

– Что ещё за Марта? – фыркнула Лайла.

– Дама сердца нашего капитана, – подмигнул Риган.

Лайла скривила губы.

– До вашего капитана мне дела нет, а вот до Беара... Скажи, а у Беара есть дама сердца?

– Шутишь? У него и сердца-то нет.

– Так вы отведёте меня на корабль? – пискнула Эмма, уже давно усвоив, что если парочку вовремя не остановить, то они до утра могут играть в словесные перепалки. Ей же хотелось скорее на корабль и в объятия Гранта, а не слушать про какого-то там бессердечного.

– Чтоб тебя морские черти побрали, – выругался Риган на Эмму. – Я уж думал, ты не придёшь, и я развлекусь тут с парой русалок, похожих на эту. – Риган шлепнул Лайлу по ягодицам.

– А ты приперся. Валяй на выход, коль явился, да жди меня там. Пара глотков, и пошуруем.

– Я буду скучать, – деланно прошептала Лайла после долгого поцелуя, на который Эмма предпочла не смотреть. Было понятно, девица говорила так каждому и каждую ночь или каждый рассвет, провожая клиента в дорогу и пряча в широких складках платья звонкую монету.

Радуюсь, что всё идёт по плану, хотя минутами ранее Эмма была готова проклясть этот план всеми словами, какие успела выучить тайком от строгой матушки, девушка в несколько прыжков оказалась на улице и жадно вдохнула свежий воздух. Относительно свежий, так как следом за Эммой из таверны вывалился в стельку пьяный мужик и громко срыгнул.

Волны, серые, в цвет скалам, накатывались на каменистый берег, лизали борт вытасенной из воды шлюпки и спешно убегали обратно, словно торопились сыграть друг с другом в

чехарду. Там, вдали от берега, на глубине, они ластились к другому судну – статнее и изящнее – к бригу «Морская», капитаном которого вот уже много лет был Фрэнк Золотозуб.

Невысокий, лысый, с выпирающим вперёд пивным животом и ртом, полным золотых зубов, он важно развалился на потертом сидении старого стула, доставшегося ему в качестве трофея на заре его морской карьеры. Это было столь давно, что помнившие Фрэнка как юнгу уж померли, иначе могли бы поведать немало историй о капитане – грозе морей, в те времена ещё худом и волосатом...

Последняя капля красного вина булькнула в наполненную до краев кружку и растворилась среди ей подобных. Бутылка отлетела в сторону, прямо к куче других таких же, пустых и зелёных.

– Корралианское почти закончилось. Беда, – недовольно буркнул себе под нос капитан и ухмыльнулся. Сквозь узкую щель ухмылки прорвался свет фонаря и заиграл золотом на выпирающем клыке.

По палубе загромыхали сапогами, и уже через пару ударов сердца низкая деревянная дверь с шумом распахнулась, пропуская к капитану высокого моряка лет тридцати, но, возможно, и меньше. Загорелое, обветренное лицо; такие же загорелые и сильные руки, местами измазанные смолой, местами с засохшей солью на коже; голова, повязанная широкой чёрной засаленной тряпкой, из-под которой выбивались тёмные пряди, – всё это не так приковывало к себе любопытный взгляд, как глаза... глаза цвета штормового моря. Бушующее, оно сейчас неистово негодовало.

– Ну, что опять? – с деланным равнодушием зевнул Фрэнк и вытянул ноги. – Мелкий бунт? Я же велел тебе успокоить своих крыс.

– Торчим тут больше недели. – Крепкий кулак ударил по столу с такой силой, что опустошенная кружка подпрыгнула и перевернулась. – Уже и киль, верно, водорослями порос!

– Если кто из твоих акул вновь недоволен, то пусть попробует померяться со мной силой, – прорычал Фрэнк и оскалился. – Этими зубами я не одно горло разорвал. Коль слабо, то пущай воды в рот наберёт да впредь помалкивает, как рыба. Здесь я решаю, что и когда мы делаем.

Собеседник нервно зашагал из стороны в сторону, затем остановился, взял с центра стола новую бутылку вина, откупорил её и налил себе и невозмутимому капитану.

– Вот это правильно, – довольно крякнул Фрэнк и жадно отхлебнул из кружки, громко похрюкивая. Когда же смог, наконец, оторваться от вязкого крепкого пойла, то лицо его резко похорошело. – Риган вот-вот вернётся да одного мальчонку приведёт. Поднимаем их, и сразу командуй сниматься с якоря.

– Да, капитан, – недовольство во взгляде серо-синих глаз отступило, уступив место сосредоточенности. – Куда определить салагу?

– Нет. – Фрэнк поморщился то ли от кислого винного послевкусия, то ли от чрезмерного рвения помощника. – Мальчишку не тронь, это братец толстухи Марты. Я обещал доставить его невредимым в Белую бухту. На вид мальчонка хрупкий – может, больной, а может, евнух, – так что вели своим людям держаться от него подальше. И сам не лезь. А то знаю я твои лапы – ненароком голову ему свернёшь.

Темноволосый моряк только ухмыльнулся, опять потянулся к бутылке и в этот раз отхлебнул прямо из горла. Креплёное вино, приправленное терпкой гвоздикой, приятно зажгло изнутри.

– Сдалась вам эта толстая баба, кэп, – уставившись в стену, выдавил он.

– У меня таких по одной-две в каждом заливе, – озорно подмигнул помощнику капитан, – и с пяток при крупных портах. Никогда не знаешь, где в итоге придётся осесть и какая из них окажется золотой дойной коровой. Но эта и вправду мясista – доить есть за что. – И Фрэнк громко загоготал, а из набитого золотом рта потянуло запахом браги.

– Кэп, – к капитану ворвался вахтенный, – Риган вернулся.

Фрэнк хищно улыбнулся, радостно потёр руки и встал из-за стола.

– Поднимай его на борт да поживей. Беар, – кинул он помощнику, продолжавшему медленно и вдумчиво потягивать вино из бутылки, – уходим отсюда!

Два раза повторять не пришлось – тот, кто ранее был недоволен долгой стоянкой при Серых скалах, ринулся на верхнюю палубу. А вслед за ним ожило и судно. Словно девица перед балом, заволновалось, зашумело – это десятки пар ног ринулись кто куда: кто к штурвалу, кто к канатам, кто к якорю. И над всем этим гвалтом раздавался зычный, закалённый морем и солёным ветром, голос старпома:

– Поднять паруса! Полный вперёд!

Паруса поймали ветер, бриг закачался и заскользил по волнам подальше от берега и погружающихся в сон маленьких деревушек.

– Кошель при вас? – шепнули прямо над ухом Эммы.

Девушка испуганно заозиралась. С тех пор, как её подняли на борт того самого брига, о котором твердила Марта, её никак не покидало чувство, что всё вокруг – лишь сон, но никак не явь. Всё вокруг было не просто чужим, а пугающе странным: начиная с простых матросов, ни один из которых к Эмме даже не подошёл, зато нечёсанные, на босу ногу и в рваных рубахах, они шумно галдели на палубе и без усталости играли в кости, и заканчивая капитаном, которого девушка увидела только сейчас, спустя почти час, как они отплыли от её родных земель.

– Вот.

Эмма покорно отстегнула с пояса небольшой мешочек из плюшевой ткани и протянула Золотозубу.

И в тот же момент призналась себе, что ожидала от Марты большей избирательности в мужчинах. Маленький лысый капитан никак не вязался у Эммы с тем образом, который нарисовало её воображение, исходя из рассказов служанки. А золотые зубы... они были отвратительны!

– Как скоро вы доставите меня в Белую бухту?

– При попутном ветре, и если ничего по дороге не отвлечёт, домчимся быстро. – Фрэнк ослабил и заскользил хищным взглядом по тоненькому стану девушки, будто выглядывал что-то: то ли ещё один кошель, то ли чего пикантнее. А когда прекратил, то голодно сглотнул и добавил: – От мальчишки и не отличишь. Кожа да кости. Ну да ладно. Слушайте-ка сюда, милая барышня. Ведите себя скромно, лишний раз не высовывайтесь, если хотите добраться к женишку невредимой. Если чего срочно приспичит – бегите ко мне. Подсоблю, чем смогу. И вот ещё. Держитесь подальше от старпома, – капитан кивнул в сторону Беара, отдававшего команды морякам. – Узнает, что ты... – капитан чертыхнулся, – вы... баба, мигом на дно оправитесь, даром что баронесса. Он с приметам на море шутить не любит.

– А вы что же шутите? – не удержалась Эмма.

– Приметы золотом карман не наполнят! – Фрэнк многозначительно подмигнул, потряс кошель и сверкнул золотым зубом.

Глава 6. Ночная гроза

Молния ударила прямо в окно. Развалившийся в мягком кресле Эррол вздрогнул и капнул вином себе на грудь. Тут же чертыхнулся, вытащил из кармана белоснежный платок, попробовал пятно оттереть, но красное креплёное было настолько хорошо, что его ничто не брало. Даже горстка соли, высыпанной из солонки на ткань.

Следом за молнией прогремел гром. Дождь забарабанил по крыше и навесам с такой неистовой си

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.